

*Архимандрит Дамаскин
(Орловский)*

ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЕГО СОВЕСТЬ

Житие священномученика
Евгения (Зернова),
митрополита
Нижегородского и Арзамасского

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

МОСКВА

2018

УДК 272
ББК 86.372
Д16

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-804-0150*

Дамаскин (Орловский), архимандрит.

Д16 Человек — это его совесть. Житие священномученика Евгения (Зернова), митрополита Нижегородского и Арзамасского. — Москва: Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2018. — 159, [1] с.: ил.

ISBN 978-5-9905640-7-7

В книге публикуется жизнеописание священномученика Евгения (Зернова), митрополита Нижегородского, дается описание многих значимых событий первой половины XX столетия, тех людей, с которыми митрополиту Евгению приходилось встречаться — как известных, так и безвестных, — чья жизнь проходила и в столице, и на далекой окраине. Многие описания погружают читателя в неведомую современному человеку историческую эпоху, когда невольно переживаются драматические события того трагического времени. В основе жизнеописания — выверенные исторические документы, показывающие, что реальная жизнь человека намного сложнее самой искусной выдумки.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 271
ББК 86.372

© Архимандрит Дамаскин (Орловский), 2018
© Региональный общественный фонд
«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви», 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Буллат», 2018

ISBN 978-5-9905640-7-7



Человек — это его совесть

Если, в качестве небольшого эксперимента, попросить любого из нас кратко поведать о себе самое важное — то, что определяло бы нас как личность, — ответы окажутся достаточно предсказуемыми. Кто-то с юмором перечислит паспортные данные — вот, мол, кто такой «я»; кто-то с гордостью назовет свою профессию или престижный ВУЗ, где учился; кто-то с нежностью поведает о своих детях; кто-то заявит о своих достижениях в науке или творчестве...

Не ошибемся, если предположим, что, прежде всего, сказать о себе «я — христианин» почти никому не придет в голову.

Да, священник, конечно, назовется священником и монах — монахом; да, прихожанин на пороге храма непременно обозначит свою конфессиональную принадлежность... Но мало для кого из нас, «простых верующих», христианство на поверку окажется самым главным содержанием жизни, ее глубинным стержнем и камертоном. Скорее оно будет привычным и не более, чем повседневным, вспомогательным атрибутом. Мы «верующие» — разве этого недостаточно? Разве это уже не хорошо само по себе?



Болезни и скорби иногда оживляют наше религиозное чувство, заставляют внутренне востроиться. Но стоит обстоятельствам войти в спокойное русло, и напряжение нравственного труда уже не кажется нам необходимым.

Нам не хочется этого напряжения, нам комфортнее без него. Возможно, поэтому о русских новомучениках так непросто сегодня вести разговор. Мученичество как феномен, как высочайший образец христианского подвига — слишком яркая звезда на тусклом небосклоне нашей комфортной повседневности. Подвиг мученика если и имеет к нам отношение, то, кажется, самое отдаленное. Ведь никто сегодня не спрашивает у нас отчета о нашей вере, никто не ставит во имя веры нашу жизнь под угрозу? Так зачем нам читать о всех этих бесконечных ссылках и арестах? Зачем исследовать утомительные протоколы допросов и расстрельные приговоры? Зачем, если мученичество в истории христианства носит словно бы трагически случайный, а не существенный для спасения характер?

И действительно, понять мученичество можно лишь из глубины личного подвига. А подвиг начинается уже там, где слышит человек голос своей совести, которая к любому из нас и во все времена предъявляет равные требования. В названии нашего предисловия использованы слова блаженного Августина. По отношению к ним священномученика Евгения (Зернова) можно было бы назвать невольником, узником своей совести, не умевшим противиться ее повелениям. Голос совести никогда не сулил ему ни личного благополучия, ни спокойствия — в этом смысле он был мучеником и исповедником веры еще задолго до лагерей, ссылок и расстрела.



Эпоха, в которую судил ему Господь послужить Церкви, — трагическое время *«колебаний веры, сомнений греха и порока»*, как сам он его называл. Мы мало что знаем об этом периоде в нашей истории — представления о нем у нас либо искажены, либо идеализированы. И здесь житие, составленное ведущим российским агиографом архимандритом Дамаскиным (Орловским), позволит нам хоть частично познакомиться с реалиями эпохи без ретуширования.

В духовных школах, где с 1902-го по 1912 годы преподавал будущий священномученик, как и повсюду в стране, царили упадок и бесчинство. Духовно-нравственное разложение присутствовало в среде епископата и духовенства. Юные семинаристы, плененные революционными идеями, отвергали любое воспитательное воздействие, и в такой обстановке многие из преподавательского состава ради собственного благополучия занимали отстраненно-двуличную позицию. И вот там, где другие отмалчивались, иеромонах Евгений говорил правду, где большинство попустительствовало безобразиям — он зывал к *«нравственной чуткости»*...

Как педагог он был деликатен и тверд, как монах — вел жизнь внимательную и смиренную, терпя посылаемые скорби. Он так обращался к студентам и педагогам: *«Чтобы учить других добру, надо полюбить это добро самому, надо видеть в нем главную цель всей своей жизни <...>. Ведь только тот и может с пользой влиять на других, у кого слово согласуется с делом, кто не только научит, но и сотворит то доброе, чему учит»*. Понятно, что с такими, как он, было неудобно. Такие мешали.

Люди нравственно чистые всегда неудобны и являются своеобразными раздражителями, напоминая самим своим



существованием о моральных ориентирах, — в эпоху же смут и нестроений они вызывают неприязнь даже в кругу собратьев по вере...

Хиротония архимандрита Евгения (Зернова) во епископа Киренского состоится в 1913 году, тогда же он посетит самые отдаленные уголки этого сурового края, — Сибирь в канун революции была тем полем жатвы, которое все еще ожидало своих делателей. Времени же оставалось все меньше. У государства не доходили руки ни до улучшения бытовых условий беднейшей части своих граждан, ни до просветительской христианской миссии. Лишь немногие энтузиасты-одиночки, как епископ Евгений, продолжали свой труд, прекрасно осознавая, что катастрофа в России становится неминуемой.

В 1914-м епископ Евгений получит Приамурскую и Благовещенскую кафедру, там и достигнут его последствия октябрьского переворота 1917 года — насилия, грабежи, убийства. Трусливо переходили многие преподаватели семинарии и епархиальных училищ «под омофор» Комиссариата просвещения... Владыка решительно прощался с перебежчиками, которые рассчитывали при новой смене политических реалий «перебежать» снова, — по мнению епископа, для преподавателей духовных школ такое двоедушие было постыдным.

В Благовещенске неудобный, не умеющий заискивать перед властями владыка был впервые арестован и этапирован для следствия в Москву.

Когда-то, еще задолго до своих тюремных заточений и расстрела, священномученик Евгений обращался к солдатам полка, сражавшегося в Порт-Артуре: *«...чтобы смело умереть, надо верить и стремиться к иному счастью, чем земные наслаждения, надо верить в иную жизнь — блаженную, надо верить во Христа, своей*



крестной смертью победившего смерть и даровавшего нам воскресение! Только искренняя, живая и деятельная вера в Бога и может вливать силу, мужество и самоотвержение в душу воина-христианина». Понимал ли он тогда, что этим воином-христианином предстоит вскоре стать ему самому?

Впереди его ожидали и знаменитые Соловки, где он снова будет неудобен властям — за его богослужением даже лагерная шпана пела «Разбойника благородного...», и Зырянские лагеря...

Назначение его в 1934 году митрополитом на Горьковскую кафедру, как и всегда, только умножило потоки молящихся в местные храмы. И, как и всегда, деликатный, мягкий в обращении, но непреклонный в вопросах веры и служения, он не побоится проповедовать с амвона и в эти годы.

Уже в Карагандинских лагерях против ссыльного митрополита органы НКВД снова начнут следственное дело, словно боясь вообще выпускать его на свободу, и в сентябре 1937 года приговорят к расстрелу.

Книга, которую вы держите в руках, полностью разрушает миф о том, что мученичество — трагическая случайность... Этот священный венец нельзя заполучить, просто оказавшись в застенках в период массовых репрессий или наскочив на нож уголовного в день церковного праздника... Вспомним мучеников-христиан первых веков, что старались вести нравственно безукоризненную жизнь, чтобы привлечь благодатную помощь Божью в момент, когда сознательно пойдут на смерть.

Но, пребывая в расслаблении, потакая своим страстям и не слишком беспокоясь о моральной чистоплотности в дни благополучия, невозможно быть уверенным,



что в дни испытаний твоя совесть вдруг проснется и сердце исполнится мужества.

Слабая, безразличная к евангельскому идеалу душа не устоит в правде — рано или поздно человек не выдержит соблазна, предаст своих товарищей, предаст себя и саму веру... И тогда одни действительно окажутся в ловушке трагических обстоятельств, другие же, исполненные надежды — *выйдут в сретение Господа своего...*

*Монахиня Евфимия
(Аксаментова)*



ПОДПИСАТЬСЯ – НЕ ПОЗВОЛЯЕТ СОВЕСТЬ

Священномученик Евгений родился 18 января 1877 года в городе Москве в семье диакона Иоанна Предтеченской, что у Крестовской заставы, церкви Алексия Семеновича Зернова и в крещении был наречен Симеоном. По окончании Заиконоспасского духовного училища, в августе 1891 года он поступил в Московскую духовную семинарию, которую окончил в 1897 году. В это время скончался его отец, и мать-вдова, Любовь Петровна Зернова, дала расписку, что ее сын, в случае поступления в духовную академию, не будет претендовать на государственную финансовую поддержку и будет обходиться своими средствами. Семен сдал экзамены в академию, но зачислен не был из-за недостатка мест¹. И тогда он принял отчаянное, как он вспоминал впоследствии, решение — лично явиться к ректору академии, епископу Арсению (Стадницкому)*,

* Епископ Арсений, впоследствии митрополит (в миру Авксентий Георгиевич Стадницкий), родился в 1862 году в селе Комаров Хотинского уезда Бессарабской губернии в семье священника. В 1885 году окончил Киевскую духовную академию. Занимался педагогической деятельностью. В 1895 году был пострижен в монашество с именем Арсений и рукоположен во иеродиакона, а в следующем году — во иеромонаха. В 1896 году назначен ректором Новгородской духовной семинарии, в 1897 году — инспектором Московской духовной академии, в 1898 году — ее ректором.



и изложить со всей прямою целью своего поступления в академию, поведав и о своем желании принять монашество. Но его беспокоила мысль, что упоминание о монашестве будет воспринято ректором, как желание сделать карьеру. Но даже если епископ Арсений упрекнет его в этом, решил он, он все равно пойдет и перенесет все несправедливые упреки. Ректор выслушал Семена с большим участием и согласился исполнить его просьбу, за что тот был благодарен ему всю жизнь и почитал епископа Арсения как своего духовного отца.

Семен по совету ректора написал прошение, чтобы его допустили к слушанию лекций. Прошение было удовлетворено, и он поступил в академию. Во время обучения на втором курсе, 8 марта 1900 года, в церкви Гефсиманского скита епископ Арсений постриг его в монашество с именем Евгений². Напутствуя при постриге, епископ Арсений посоветовал ему «идти царским путем,

В 1899 году хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В 1903 году — назначен епископом Псковским, с 1907 года — епископ Новгородский. В 1917 году под его председательством проходили заседания Предсоборного совета. На Поместном Соборе Православной Российской Церкви в 1917 году он был избран заместителем председателя Собора. Тайным голосованием был избран одним из трех кандидатов на Патриарший Престол. В том же году был возведен в сан митрополита и избран членом Священного Синода. В 1918 году был избран в Высший церковный совет. В 1923 году был арестован по делу об изъятии церковных ценностей и в 1924 году приговорен к трем годам ссылки в Среднюю Азию. С 1926 года жил в Ташкенте. В 1927 году был включен в состав Временного Патриаршего Священного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском). В 1933 году назначен митрополитом Ташкентским и Туркестанским. Скончался в 1936 году и был погребен на Александро-Невском кладбище в Ташкенте.



ни в ком не заискивать, ничего не домогаться». День пострига сохранился в его памяти как один из самых светлых и отрадных дней его жизни. Святые чувства, которые пережила тогда его душа, при одном воспоминании о них утешали его впоследствии, как путника оазис среди пустыни, поддерживая на тернистом жизненном пути, когда приходилось переносить те или иные невзгоды. 5 апреля того же года монах Евгений был рукоположен во иеродиакона, а 25 марта 1902 года в Покровском храме Московской духовной академии епископ Арсений рукоположил его во иеромонаха³.

Окончив академию со степенью кандидата богословия, иеромонах Евгений 12 августа 1902 года был назначен в Черниговскую духовную семинарию преподавателем общительного богословия, истории и обличения русского раскола и местных сект⁴. В Чернигов он прибыл 13 сентября. В тот же день епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии, Исидор (Колоколов)* представил его управляющему епархией, епископу Черниговскому и Нежинскому Антонию (Соколову)**⁵, и ректору семинарии,

* Епископ Исидор (в миру Петр Александрович Колоколов; 1866–1918), родился в городе Санкт-Петербурге. В 1891 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, пострижен в монашество с именем Исидор и рукоположен во иеромонаха. В 1902 году хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. Жизнь вел буйную и безнравственную, за что был запрещаем в священнослужении и увольняем с кафедры. Расстрелян в 1918 году ЧК в городе Вятке.

** Епископ Антоний (в миру Иаков Григорьевич Соколов; 1850–1911), родился в Рязанской губернии в семье священника. Окончил Московскую духовную академию. В 1889 году хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии, с 1893 года — епископ Черниговский и Нежинский. Последние годы вел жизнь затворника и отшельника, избегал



протоиерею Константину Ефремову. Епископ Антоний принял нового преподавателя ласково, пожелал успехов и предупредил об опасности сильно развившегося за последние годы либерализма, который глубоко проник не только в светскую, но и в церковную среду.

16 сентября отец Евгений приступил к исполнению своих обязанностей. Черниговская семинария произвела на нового преподавателя впечатление неблагоприятное своей неопрятностью и беспорядком; семинаристы держались распущенно, отец ректор находился в ссоре с правящим архиереем — епископом Антонием, преподаватели в свою очередь осуждали ректора за его бестолковую заносчивость перед епископом. Все это вместе создавало общую неприятную обстановку, в которой отсутствовало согласие между членами корпорации. Иеромонах Евгений усердно принялся за исполнение своих непосредственных обязанностей, и это первое отрицательное впечатление впоследствии несколько сгладилось. Кроме занятия преподавательской деятельностью, в его обязанности входило с 1902-го по 1904 год заведование религиозно-нравственными чтениями для народа; с 1902-го по 1906 год он состоял членом совета Братства святого Михаила, князя Черниговского. 12 ноября 1902 года епископ Антоний выразил ему благодарность за труд по составлению записки о состоянии раскола и сектантства в Черниговской епархии⁵.

официальных приемов у себя и сам никуда в гости не ездил. Его путь был только в монастырь, где он жил, и в кафедральный собор. Он не пропускал ни одной будничной службы в монастыре, был нестяжатель и благотворитель. Один день в неделю он отводил для помощи нищим и нуждающимся. Общение его с духовенством всегда было отеческим. Он никогда не фотографировался и был сфотографирован уже в гробу. Скончался от паралича сердца.



Черниговская духовная семинария

«В Чернигове масса дела», — писал он о своей жизни на новом месте епископу Арсению (Стадницкому), — «но делателей мало, а потому рады и моим малополезным трудам. — Меня сделали чем-то вроде миссионера, посылают, например, беседовать со штундистами, некоторые из них ходят даже ко мне; беседую иногда и с раскольниками, но частным образом, публичную беседу вел только одну, причем ни один из старообрядцев и возражать не вышел...»⁶

На праздник Пасхи иеромонаху Евгению было поручено говорить проповедь в кафедральном соборе, а на второй день он отправился сопровождать епископа Исидора в Новгород-Северский, посещая вместе с ним лежащие на их пути монастыри.

«В Чернигове жизнь у меня идет мирно», — писал иеромонах Евгений 27 сентября 1903 года епископу Арсению. — «В семинарии и вне ее дела довольно, так что время идет незаметно. Святитель Антоний благодушествует. Преосвященный Исидор вот уже как



*Епископ Новгород-Северский,
викарий Черниговской епархии,
Исидор (Колоколов)*

месяц поехал по епархии. Он ждет, не прийдет ли Московская академия кандидата на должность епархиального миссионера, эта должность и по сие время свободна»⁷.

После этого письма прошло чуть более недели и обстоятельства жизни иеромонаха Евгения несколько переменились, а сам он явился свидетелем перевода викарного епископа в другую епархию, сопряженного с очередным скандалом. «У нас в Чернигове новости», — писал он. — «Преосвященного

Исидора перевели викарием в Нижний Новгород, а Нижегородского викария — Преосвященного Нестора — в Чернигов. Преосвященный Исидор скорбит, но что сделаешь?! Поводом, если не главной причиной, было его дело с одним из иеромонахов Елецкого монастыря, отцом Афанасием. <...> Преосвященный Исидор замечал, что отец Афанасий утаивает деньги за требы, и вот (в июне нынешнего года) по поводу подобной утайки он пришел в 5 часов утра к иеромонаху в келью для отобрания якобы утаенных двух рублей, произвел обыск и не без борьбы отобрал двадцать семь тысяч деньгами и банковыми расписками. Монах-бессребреник взял адвоката, и дело перешло в Синод. Адвокат поехал в Петербург и доложил о действиях Преосвященного Исидора В. К. Саблеру



и членам Синода. В результате деньги иеромонаху велено возвратить как отобранные неправильно, а Преосвященного Исидора перевели*.

В семинарии у нас были маленькие волнения против инспектора и отчасти ректора», — сообщал он епископу. — «Поводом было увольнение одного из учеников 5 класса за грубость по отношению к инспектору, допущенную учеником в церкви. Дело о волнении должно, по настоянию Преосвященного Антония, идти в Петербург, в Учебный комитет. Но в докладе дело представлено так, что во всем виноват инспектор, да, пожалуй, и педагогическое собрание, которое зря увольняет. Преподаватели с подобным мнением доброго отца ректора решились не согласиться и доклада не подписывать. Я не знаю, как поступить, подписаться под докладом в Учебный комитет не позволяет совесть, ибо там очень много лжи, не подписываться — немолимых врагов наживешь»¹⁰.

В ответ на это епископ Арсений заметил ему, что не для того он его постригал в монашество, чтобы он

* Епископ Арсений (Стадницкий) писал о епископе Исидоре в дневнике: «Известный на всю Россию архимандрит Исидор скандальным происшествием в бытность его исполняющим должность инспектора Петербургской академии назначен епископом Новгород-Северским, викарием Черниговским. Такое назначение — несомненно соблазнительное. Накануне был у меня отец Никон [Рождественский], казначей лавры, и сказал, что это оскорбление Святой Церкви и что он теперь ни за что не пойдет в архиереи, в компанию Исидора: „Я ничего не имею, что он умный человек, но ум его — нахальный. Раскольники теперь с торжеством и злорадством встретят подобное избрание, а в Черниговской епархии их много“»⁸. В 1905 году епископ Арсений выразился в дневнике еще более определенно, опираясь на суждение о нем епископа Антония (Храповицкого), считавшего епископа Исидора пьяницей и развратником⁹.



*Епископ Псковский
и Порховский Арсений
(Стадницкий)*

стал бессовестным человеком. Это письмо растревожило душу отца Евгения, и он в свое оправдание написал, что поступил по совести и не поставил свою подпись под искажающим положение дела докладом. «Я смею уверять», — писал он епископу Арсению, — «что в своей жизни стремился, стремлюсь и буду стремиться быть честным и достойным Вашего, Владыко, доверия. Но часто при осуществлении своих стремлений человек нуждается

в нравственной поддержке, которую я и ищу в Вас — моем духовном отце.

Поступая по совести, я сказал инспектору нашей семинарии о некоторых недочетах, которые могут повредить ему, если будет ревизия, сказал в силу обстоятельств при Преосвященном Исидоре, а он... взял да передал это Преосвященному Антонию, — получился скандал. Меня почти трактовали как доносчика, когда у меня о доносе ничего и в мыслях не было. Пользы, таким образом, не принес, а себе вред сделал»¹¹.

22 февраля 1904 года в Черниговскую семинарию прибыл направленный сюда Святейшим Синодом ревизор Дмитрий Иванович Тихомиров, который, проведя на месте краткое расследование, отбыл 27 февраля в Санкт-Петербург. В своем отчете он написал, что отношение к своим обязанностям персонала семинарии усердное и внимательное. Из наиболее успешных в преподавании он



отметил ректора семинарии протоиерея Константина Ефремова, инспектора Якова Ивановича Чередина, иеромонаха Евгения (Зернова) и некоторых других¹².

В марте епископ Арсений написал отцу Евгению, что тому следовало бы готовить себя к святительскому служению, и пригласил к себе в гости. Однако, тот приехать погостить отказался, так как был загружен учебными делами, после завершения которых собирался выехать на отдых и на лечение. 7 августа 1904 года Святейший Синод назначил иеромонаха Евгения инспектором Черниговской духовной семинарии¹³, что явилось полной неожиданностью для ректора семинарии, который рассчитывал, что инспектором станет его кандидат, хлопотать за которого он специально ездил в Санкт-Петербург. Ректор расстроился, и отношение его к отцу Евгению стало еще хуже.

«На днях получил извещение о назначении меня инспектором Черниговской семинарии», — писал отец Евгений епископу Арсению. — «Радоваться назначению боюсь, потому что, пробыв два года преподавателем, я имел возможность убедиться, как трудна должность инспектора вообще, а в Черниговской семинарии в особенности. Ревизия нашла семинарию распущенной, но средство поправить дело, видимо, не нашла, кроме перевода инспектора, хотя главная причина-то всего нестроения не инспектор, а ректор, который не дает никаких прав инспектору, подделывается к ученикам и старается всячески обезличить преподавателей.

Кроме ректора, в семинарии играет важную роль эконом, это правая рука ректора. Вся экономия ведется им, а от инспектора лишь требуется подпись. <...> Вот при каких условиях приходится вступить на должность инспектора семинарии.



Понятно, все это сильно смущает, и невольно является вопрос, что инспектор имеет какие-либо права и полномочия или он должен лишь слушаться ректора и платиться при ревизии за его, ректора, распоряжения? В уставе на этот счет многое не договорено. И вот я, зная лишь практику Черниговской семинарии, и осмеливаюсь обратиться к опытности Вашего Преосвященства и просить указаний и наставлений»¹⁴.

Ответ епископа Арсения на это письмо весьма ободрил отца Евгения. Между тем Святейший Синод прислал отзыв ревизора о семинарии, в котором она признавалась в отношении дисциплины распущенной, и инспектору было рекомендовано в предстоящий учебный год заняться исправлением дисциплины. Ректор остался недоволен отзывом, сказав, что все написанное в нем сущие глупости. Епископ Антоний, однако, категорически с этим не согласился и потребовал от инспектора принять все меры для водворения в семинарии порядка.



Ректор Черниговской духовной семинарии протоиерей Константин Ефремов

В ожидании начала занятий иеромонах Евгений решил напрямую поговорить с ректором и высказать ему свою позицию. Тот выразил свою точку зрения, но отец Евгений на это сказал, что совершенно с ним не согласен. Например, с тем, чтобы позволять семинаристам учить уроки вне определенного для этой цели помещения, ходя по коридорам



и тем самым фактически упраздня определенное для занятий место, что делает невозможным наблюдение за семинаристами, которые в случае такой свободы разбредутся по семинарии или вообще уйдут в город. Не найдя убедительных аргументов против высказанных инспектором соображений, ректор только и нашелся сказать: «Я старше вас и опытнее, и вы должны меня слушаться». Отец Евгений на это возразил, что в чем-то должен слушаться, а в чем-то и нет, а опыт с бывшим инспектором ясно показывает, что послушание инспектора ректору не избавляет того от ответственности перед Учебным комитетом. Ректор рассердился на это замечание, но слишком грубо отвечать не посмел, сочтя невыгодным в данный момент ссориться с инспектором. Через два дня ректор снова пришел к отцу Евгению и сообщил, что он составил список дежурств и расписание занятий, как это требуется циркуляром Учебного комитета. Отец Евгений попросил оставить ему циркуляр, чтобы посмотреть его позже, заметив ректору, что не считает нужным составлять в данную минуту расписание занятий, так как занятия начнутся еще нескоро, и из преподавателей никого нет на месте. Выслушав отца Евгения, ректор заявил, что тому следует составить для себя инструкцию как для инспектора, на что отец Евгений ему возразил, что если инструкция нужна, то ее следует составлять ректору и будет странным, если инспектор составит инструкцию сам для себя. «Кто же сам для себя составляет инструкции», — заметил ректору отец Евгений.

Через несколько дней ректор в обход инспектора назначил в семинарию своего надзирателя, хотя знал, что по уставу семинарии надзиратель назначается инспектором. Отец Евгений решил не пропускать этот случай самоуправления и спросил у ректора, почему он не счел нужным сообщить об этом заранее. Не ожидая такой дерзости



со стороны инспектора, ректор разгневался, разгорячился, но ничего убедительного в свое оправдание сказать не смог. Считая, что его уступки ректору могут повредить в дальнейшем воспитательному делу, отец Евгений заявил ему в дополнение, что не следует столь неподобающим образом относиться к инспектору.

«Для собственного спокойствия», — писал он впоследствии епископу Арсению, — «мне было бы выгоднее не говорить ректору того, что ему неприятно, и плыть по течению, но совесть подсказывала поступать иначе, думалось и верилось, что и монах не должен отказываться от своих законных прав в интересах лишь собственного спокойствия, особенно отказываться тогда, когда этот отказ могут понять и толковать как страх перед сильными мира. Действуя так, я желал добра — предупредить ректора от нарушения законности на будущее время»¹⁵.

30 октября, перед началом учебного года, иеромонах Евгений обратился к семинаристам со словом назидания, изложив в нем свой взгляд на духовную школу. «Чтобы руководить других в религиозно-нравственной жизни», — сказал он, — «для этого недостаточно одних научных знаний, для этого мало развить только ум, нужно воспитать и волю, облагородить сердце, нравственно развить и усовершенствовать свою душу. Чтобы учить других добру, надо полюбить это добро самому, надо видеть в нем главную цель всей своей жизни <...>. Ведь только тот и может с пользой влиять на других, у кого слово согласуется с делом, кто не только научит, но и сотворит то доброе, чему учит. Едва ли может тот хорошо управлять и руководить другими, кто не может управлять собой? Едва ли тот может врачевать душевные болезни других, кто не замечает недугов собственной души и не следит за своей духовной внутренней жизнью? Как понять душу другого,



коль скоро не проследишь, не поймешь чувств и движений собственной души? <...> Вот почему, развивая вас умственно, семинария заботится развить вас и нравственно. Она стремится сохранить нравственную чуткость вашего юного сердца и предохранить вашу еще не окрепшую волю от тех недостатков, которые могут мешать вашему нравственному развитию, способствовать огрубению вашего сердца и вносить мучительный разлад во всю вашу жизнь. Если школа вообще, по выражению одного из великих педагогов (Амоса Коменского), есть мастерская человечности, в которой обрабатывается дух человека в его лучших проявлениях, то о духовной школе это надо сказать в особенности. Ведь она ставит своей главной задачей развить в своих питомцах ясное сознание необходимости служить в жизни добру и быть в жизни истинными последователями Божественного Провозвестника добра и любви — Христа Богочеловека»¹⁶.



БУНТ СЕМИНАРИСТОВ

Действительность, которая окружала иеромонаха Евгения, была весьма далека от того идеала, которому он старался следовать, уча этому и других. 6 ноября 1904 года, подробно излагая те обстоятельства, в которых оказался, он писал епископу Арсению: «В настоящее время совершенно теряюсь, что мне делать. Ректор всячески старается внести смуту в среду семинаристов, отстаивая прежний порядок или, лучше сказать, беспорядок. У нас для семинаристов существует форменная одежда, но они привыкли носить ее по желанию. Если ему угодно, он является в форме, а если нет, то в красной или белой рубахе. В рубахах они являлись на молитву и в столовую, в форме являлись на Шоссейной улице (самая бойкая в Чернигове), сопровождая в качестве кавалеров горничных и модисток. Вступив в отправление должности, я просил в рубахах на молитву и обед не являться, а равно, в силу указа синодального, без ведома инспекции не отлучаться из семинарского общежития. Дело шло довольно успешно. Первое требование исполняли почти все, по второму, конечно, были нарушения более частые. Но вот ректор, объявляя указ об отлучках в 6 классе, выясняет ученикам, что это простая формальность, и стеснять их инспектор запрещением отлучек после 3 часов вечера, конечно, не будет. Чтобы получить отпуск, к инспектору просто надо прийти и заявить о своем желании отлучиться, он и отпустит. Ученики поверили



и несколько человек пришли за отпусками, чтобы им сходить во время вечерни, вместо занятий, кому в гости, кому повидаться с товарищем, кому взять у товарища книгу. Эти причины я счел неуважительными для отлучек из общежития и не отпустил. Один заявил, что он пойдет в таком случае к ректору, которым обычно ученики привыкли пугать инспектора. Но меня это заявление не испугало, и я все-таки ученика не отпустил. Между учениками поднялся ропот, что вот-де отец ректор сочувствует им, а инспектор теснит. Дело все-таки начало улаживаться и ученики стали примиряться с так называемым режимом, но ректору это почему-то не нравится, и он ищет, как бы устроить какую-то гадость инспектору. Нынче он мне начальственно заявляет, что ходить на обед не в рубахах стеснительно для учеников и он распоряжается не стеснять их, пусть ходят в рубахах. Это он сказал, конечно, не только мне, но и тем ученикам, которые якобы заявляли ему о стеснениях. Произошло у нас по данному поводу с ректором объяснение, для меня,



Чернигов. Шоссейная улица



по крайней мере, очень тяжелое, потому что трудно говорить с тем, который не желает считаться решительно ни с чьим мнением. Все эти распоряжения ректора быстро становятся известными ученикам — и что же в конце концов получится?!

С 16 сентября я положительно не знаю себе душевного покоя, на каждом шагу только и жди, что неприятностей. С прежним порядком распущенности безобразной я не могу согласиться, завести порядок не только не помогают, но противодействуют. Поддержки нет никакой. Чувствую, что дальше так жить не хватит сил, и не знаю в то же время, что же делать. Я думаю, не лучше ли подать в Учебный комитет прошение об увольнении от должности инспектора, ведь эта должность в Черниговской семинарии невыносима <...> научите, посоветуйте, что мне делать»¹⁷.

В ответ епископ Арсений напомнил ему, что монах должен всю свою жизнь и деятельность вверить в волю Божию и с терпением нести свой крест — служебных неприятностей, обид и мучений, служа тому делу, на которое он поставлен.

12 декабря епископ Антоний выразил отцу Евгению благодарность за организацию религиозно-нравственных чтений и руководство ими.

События в семинарии стремительно развивались, и 25 января 1905 года отец Евгений снова написал епископу Арсению, прося его совета, как поступить. «Я переживаю тяжелое горе», — писал он, — «22-го начались волнения в семинарии, направленные против инспектора: началось разгромом гардеробной, которая в силу простого недоразумения оказалась после всеобщей запертой. Когда понял, в чем дело, уже идти к бушующей толпе с убеждением было невозможно. Затем выбили у меня над



дверью квартиры два стекла и пытались ворваться в квартиру. Чувствуя себя совершенно беспомощным и беззащитным, я решил уехать к Преосвященному Антонию, сказать о случившемся и просить указаний. Так как было это часов в 10 вечера, то, чтобы мне его увидеть, надо было подать письменное заявление о желании его видеть, иначе он не принимает. Подал, сказал, в чем дело и остался ночевать в монастыре. Преосвященный, для чего-то (?!), должно быть искренно желая мне помочь (?!), положил резолюцию на моем заявлении его видеть, где удостоверил (!) мою к нему явку. Утром я уехал в семинарию. <...> После обедни семинаристы собрались в зале, где я должен был проходить; начались крики, гам, на который я ответил предложением говорить по-человечески, если они имеют что сказать, но сказать-то собственно им было нечего. Затем, когда я ушел, начали работать над составлением петиции, которую подали ректору таким образом: собрались в зале, положили ее на стол и предложили взять, что тот и исполнил. В петиции требуют, чтобы ректор уволил некоторых преподавателей, инспектора, эконома и дал бы свободу отпусков им во всякое время, кроме утренних часов занятий. Ответ потребовали вечером и в случае неудовлетворения обещались возобновить беспорядки. Пришлось сообщить о случившемся губернатору и потребовать полицию, присутствие которой значительно охладило пыл, и бунтари согласились сделать перемирие на следующих условиях: 1) свобода отпусков; 2) безнаказанность виновных (которых, кстати, не было возможности и узнать — так все произошло неожиданно); 3) свобода развлечений музыкой и танцами в субботу после всенощной и вообще всяческое послабление и льготы, которые они в данный момент еще не указывают, а потом, конечно, предъявят. О случившемся ректор доложил педагогическому собранию



и предложил заслушать петицию, а затем, решив все дело по случаю бунта предать забвению и не наказывать учеников, журнал собрания с заслушанной петицией представить архиерею и в Учебный комитет.

Но, не наказывая учеников и в то же время представляя петицию в Учебный комитет, как бы выходит самому себя высечь, так оно, должно быть, и выйдет. Получается ужасная путаница, неразбериха, из которой трудно и выпутаться.

Мирясь как монах со всем, не могу не чувствовать беспомощности при мысли о том, что предпринять?! Уйти из Черниговской семинарии рад, но ведь за что же быть оплеванным, если я за собою не чувствую вины? Но вверху, кажется, не разбирают правых и виноватых — кто захочет знать, что инспектор платится за чужие грехи?!

Владыко! Не поехать ли лично в Петербург и не выяснить ли обстоятельства дела? Скажите, как поступить? Как не хотелось идти на инспектуру и именно в Чернигов, видно, так надо. Но тяжело, почти болен, совсем один»¹⁸.

Чтобы закрепить интригу, сделав последствия случившегося необратимыми, партия ректора семинарии через своих людей направила в «Санкт-Петербургские ведомости» заметку, которая была опубликована под заголовком «Нам пишут из Чернигова», где события были изображены так, как того хотел ректор, по существу возводя клевету на инспектора и используя в борьбе с ним либеральную прессу. «Воспитанники духовной семинарии дошли здесь до сильного возбуждения: переполнилась чаша терпения, которую подносит им семинарская инспекция <...>», — сообщалось в заметке. — «Лица, заведующие этим рассадником духовного просвещения, точно поклялись, чтобы из воспитанников семинарии сделать не общественных деятелей, будущих пастырей и проповедников



Чернигов. Красная площадь

светлых идей в темную и невежественную массу, но каких-то людей „не от мира сего“. Так, например, воспитанникам строго запрещено посещать театр, читать светскую литературу — „эти романы“ — служащую отражением реальной жизни грешных нашей планеты, ходить в город гулять и пр., и пр.

Кроме того, за последнее время им наглядно доказывали, что хотя плата за содержание и увеличена почти вдвое против прежних лет, но они должны переносить голод и жажду...

Инспектор, иеромонах Евгений, сделал распоряжение запираť на ключ двери гардеробных комнат, а ключ брать к себе (неодетые семинаристы тогда-де не пойдут в город!).

22 января, после вечерних богослужений, семинаристы по обычаю отправились в гардеробные комнаты, чтобы переодеться и погулять с полчаса, а некоторые, чтобы выдать и получить из стирки белье. Двери оказались запертыми, и заведующий гардеробом объяснил, что запер их по приказанию инспектора, а ключ отдал последнему.



Возмущенные таким отношением к себе со стороны „заботливого“ начальства, семинаристы разбили все лампы, освещавшие нижний этаж, столы, окна, двери, ведущие из коридора в гардеробные комнаты.

Все семинаристы, в числе четырехсот человек, отправились в квартиру инспектора, но последний, чуя беду, которую сам же создал себе, спустился с третьего этажа по веревочной лестнице и уехал в монастырь... Когда узнали, что инспектора нет в квартире, то весь этот своеобразный кортеж направился к ректору (в том же здании). Видя это шествие, вся семинарская инспекция уехала в город... Семинаристы переночевали одни, а утром в 9 часов все отправились к обедне, а по окончании ее собрались в актовый зал, составили петицию, пригласили ректора, в присутствии которого и прочли ее.

Семинаристы просят гуманного к себе отношения, уважения к их личности, упорядочения пищи, которую находят невозможной даже для далеко невзыскательных в отношении гастрономий семинаристов, устройств литературных вечеров, музыки, танцев, прочих невинных развлечений, отлучки в город от 2 часов до 5 вечера»¹⁹.

История продолжала развиваться, и 27 февраля 1905 года иеромонах Евгений писал епископу Арсению: «В настоящее время ожидаю ревизии семинарии. Дело о беспорядках 22-го и 23 января — отправлено в Петербург, и притом с грозными резолюциями Преосвященного Антония. Владыка печалуется в них о распущенности семинарии, которую он наблюдает давно. Я вполне согласен с тем, что семинария распущенна, но отец ректор не согласен с этим взглядом Преосвященного. Кто из них будет прав, не знаю.

Преосвященный предлагал после бунта закрыть семинарию и перечистить семинаристов, но ректор во что



бы то ни стало хотел не закрывать и, чтобы успокоить семинаристов, предложил им мир на следующих условиях: 1) свобода отпусков; 2) свобода лентяйничества и 3) полнейшая безнаказанность за бунт, при этом ослабление дисциплины вообще. Семинаристы милостиво согласились и решили пока успокоиться.

Свобода отпусков и дисциплины дала себя чувствовать 19-го и 20 февраля, когда на одной из сходок в городе арестовали шестерых семинаристов, арестовали также нескольких семинаристов и во время уличных демонстраций 19 февраля за крики „долой самодержавие”. Чем вся эта история кончится, еще неизвестно, но ректор пока Преосвященному не докладывает о случившемся.

Вот как печально обстоит дело. Дотянуть бы хотя до лета, а там опять надо все строить сначала, если, конечно, оставят строить. Но оставаться-то тяжело после семинарского скандала. Про бунт в Черниговской семинарии появилась корреспонденция в „Петербургских ведомостях“ и, надо сознаться, ужасно лживая. В действительности ничего подобного описываемому в корреспонденции в семинарии не было. Там, например, написано, что инспектор от бунтующих семинаристов спустился из окна третьего этажа по веревочной лестнице! Или еще, что кроме Библии, я ничего не позволял читать семинаристам»²⁰.

На замечание епископа Арсения о том, что личные скорби при общей неурядице в государстве не следует столь сильно переживать, отец Евгений написал: «Я совершенно согласен с Вашим Преосвященством, что за личные скорби в настоящее время государственной неурядицы становится стыдно, но иной раз они ведь могут быть тесно связаны с тем делом, которому служишь, так что невольно приходится скорбеть»²¹.



В ответ на отправленный епископом Антонием в Санкт-Петербург рапорт в Черниговскую семинарию был направлен ревизор, который прибыл сюда 24 марта. Ревизия на этот раз проводилась тщательно и в течение двух недель. Ревизор одобрил действия инспектора семинарии, найдя их совершенно правильными. При проверке деятельности ректора выяснилось, что он не только недопустимо заигрывал с учащимися, но и систематически расхищал казенные деньги. Увидев, что дело клонится к увольнению, ректор заявил епископу Антонию и синодальному ревизору, что «больше служить не намерен и подает в отставку»²². «Замечательно хорошо — обворовать и уйти!..»²³ — отметил отец Евгений в письме епископу Арсению.

10 мая 1905 года член Учебного комитета ревизор Дмитрий Иванович Тихомиров представил в Синод отчет о проделанной им ревизии в Черниговской семинарии, в котором, в частности, писал: «Инспектор семинарии, иеромонах Евгений, как еще недавно состоящий на службе, а в инспекторской должности только с начала текущего учебного года, опытности в административно-воспитательном деле, правда, еще не имеет. Но это — человек серьезный, выдержанный, с наилучшими стремлениями, способный и потому имеет в себе все задатки будущего хорошего администратора. Свое дело по постановке воспитательной части в семинарии он понимает правильно и ведет внимательно. Его действия и стремления заслуживали бы полной поддержки со стороны ректора семинарии, протоиерея Константина Ефремова, который административной опытностью своей мог бы восполнить то, чего в том или другом частном случае могло еще не оказаться в запасе опытных наблюдений молодого инспектора для правильного применения того или иного воспитательного приема.



Но ректор, из стремления к популярности среди учеников и для удержания властного значения только за собою, занял в отношении к инспектору, иеромонаху Евгению, <...> иное положение: в возникавших на административно-воспитательной почве вопросах, когда дело касалось ограничения произвола учеников и введения в их среду большей дисциплины, ректор являлся „покровителем юношества“, сочувствующим ученикам и не одобряющим „монашеского режима“ отца инспектора. <...>

Такой административный прием в действиях ректора не был новым и не впервые только в отношении к инспектору иеромонаху Евгению был применен: так же точно протоиерей Константин Ефремов поступал при прежнем инспекторе... так же относился он всегда и к преподавателям, когда возникали какие-либо недоразумения между преподавателем и учеником и последний жаловался на преподавателя. Ректор вообще являлся в случаях недоразумений между инспекцией и преподавателями с одной стороны, и воспитанниками, с другой, в роли гуманного защитника воспитанников, которые, сохраняя должные отношения и уважение к ректору, всегда обеспечивали этим за собою успех в домогательствах во всех других случаях. <...>

Я позволю себе привести выдержку из письма одного из воспитанников 5 класса к своим родителям: „Последовала (23 января) снова сходка с участием учителя раскола; думали послать телеграмму в Синод, но это отклонено было и началось составление новых требований. Сходка продолжалась с 7 часов до 11-ти ночи. Посылали после того учителя к ректору, от которого он принес следующее: ректор сделает славную взбучку учителям, музыка и танцы будут дозволены под праздники и большая свобода“»²⁴.

«Не поддерживая авторитета инспекции, ректор не озабочен был и охранением авторитета преподавателей,



в случаях недоразумений с которыми ученик обычно был правее своего наставника. Он думал все удерживать лишь в авторитете своей личности, упуская из вида, что воспитательное дело требует соединения всех педагогических сил корпорации.

Неправильное ведение хозяйственной части, соединяясь с именем ректора, не служило к возвышению его авторитета. Обнаруженные же ревизией факты возлагают на ректора семинарии серьезную ответственность в этом отношении»²⁵.

13–17 августа 1905 года Святейший Синод постановил уволить от духовно-учебной службы ректора семинарии, протоиерея Константина Ефремова, по его прошению, а епископу Черниговскому Антонию — ходатайствовать о назначении полагающейся протоиерею Константину пенсии. Также епископу Антонию, в соответствии с имеющимся порядком, следовало представить «достойное лицо для замещения должности ректора в подведомственной ему семинарии»²⁶.

17 января 1906 года иеромонах Евгений писал епископу Арсению о положении дел в семинарии при новом ректоре: «Когда ректор Ефремов был уволен, то Пресвященный Антоний не решился представить своего кандидата на ректуру, и Святейший Синод назначил тогда к нам ректором смотрителя Новоторжского духовного училища, священника [Иакова] Галахова. Новый ректор магистр, на учебной службе состоит более девятнадцати лет.

Отношения у меня с ним добрые, но дела у нас с ним идут в семинарии плохо. Насколько я его понял, он был хороший смотритель, но ректор пока плохой: не представляет достаточно хорошо уклада семинарской жизни, думает, что в семинарии так же просто можно управлять, как и в училище, — но практика-то показывает иное. Боязнь



перед учениками заставляет его вилять, отказываться от своих взглядов и не быть разумно стойким в своих решениях. Определенной программы действий у него нет, а так, куда ветер дунет.

Корпорация его знать не хочет, и получается какая-то неразбериха. Хотя действительно есть и экземпляры в корпорации. Например, один помощник инспектора, некто Ганичев, отрицает фактически не только обряды, но и таинства Православной



Ректор Черниговской духовной семинарии протоиерей Иаков Галахов

Церкви; он не только считает предосудительным креститься в церкви, но и вообще признавать необходимость проявления религиозных чувств. Этот воспитатель духовного юношества не исполняет даже прямой христианской обязанности — он не исповедуется и не приобщается, но числится сыном Православной Церкви. По убеждениям красный, на учеников влияет крайне дурно. Ревизор Тихомиров знал это и все-таки не позаботился убрать его, как человека крайне вредного для дела воспитания духовного юношества.

Служить теперь весьма трудно. Но и бежать со службы в такое время едва ли должно. Надо же кому-нибудь работать. По мере разумения я стараюсь исполнять свой служебный долг честно. Занятия мы начали с 15 января, а ныне — 17-го уже был митинг семинаристов, где они решали вопрос о протесте против постановления правления о лишении четырех воспитанников казенного содержания



за дебош в епархиальном женском училище. Бог помог попасть на митинг вовремя и убедить бушующих в неразумности их протеста и недовольства. Пока успокоились; что будет дальше, Бог знает. Прилагаю все старание как бы дотянуть этот учебный год мирно. Одна надежда на Бога. Что касается моих взглядов на монастырь, то должен сказать, что всей душой рвусь туда, но цель-то тут отчасти эгоистическая — отдохнуть от злостраний служебных. Пока хватает сил, терплю тяжелый инспекторский труд и все неприятности, но бежать сам с должности боюсь: не будет ли это изменой принятого монашеского послушания и малодушием. Если, конечно, найдут нужным меня уволить, то пойду со спокойной совестью, так как я не просился и не домогался этой должности, и монастырь мне будет не наказание, а утешение»²⁷.

16 января 1906 года епископ Арсений был назначен председателем Учебного комитета и, таким образом, о делах, творящихся в семинариях и академиях, мог непосредственно докладывать сам Святейшему Синоду. 27 января иеромонах Евгений писал ему о положении дел в Черниговской семинарии: «В нашей семинарии пока покойно, хотя есть опасения, как бы не возникли волнения по поводу ареста двух главарей семинарского движения, которые арестованы за политическую пропаганду. А тут, как нарочно, перед арестом нам пришлось их лишить казенного содержания и выселить из общежития на квартиру за некие беспорядки, учиненные ими в епархиальном женском училище. Нынче, то есть через неделю по выселении, их и арестовали. Ученики этим не довольны, так как уверены почему-то, что в семинарии их не осмелилась бы полиция арестовать и арестовала лишь потому, что это на квартире было сделать удобней. Семинарское начальство, таким образом, не позаботилось обезопасить



от возможности ареста этих самоотверженных борцов за политическую свободу. Не знаю, как удастся их успокоить и убедить в неразумности их желаний, чтобы начальство заботилось о безопасности революционеров»²⁸.

«У нас в семинарии пока спокойно, но это спокойствие, конечно, покупается дорогой ценой послаблений», — писал он через месяц. — «В других семинариях дело обстоит не лучше, в некоторых уже были бунты, несмотря на все делаемые поблажки. Конечно, много значит время, но во многом виноваты и мы, воспитатели.

Нахожусь в особенно затруднительном положении касательно хитрой и опасной политики ректора. Он становится на ложный путь беззакония, и это отчасти из трусости перед учениками, а отчасти по мотивам заигрывания с ними. Он, например, не докладывает ни Преосвященному, ни правлению о таких фактах, как арест воспитанников-революционеров. Получив угрожающий аноним, он идет хлопотать об их освобождении, и это тогда, когда имеет от начальника жандармской полиции официальную бумагу о преступности арестованных. Удалось даже одного освободить, который должен был быть выслан из города, другой еще сидит, так как его будут судить за возбуждение крестьян к аграрным беспорядкам.

Я было пробовал совершенно мирно говорить с ним, что того и другого немедленно должно уволить, что это в будущем „Гапоны“, но он и слушать не хочет и считает этот мой разговор просто недоброжелательством моим к нему.

Выводя свою линию подыгрывания к ученикам, этот бывший достохвальный смотритель, а теперь попущением Божиим ректор, желает, чтобы ради любезных с ним отношений инспектор молчал бы по поводу всех обильно ими чинимых неразумностей и незаконностей.



Я стараюсь с ним жить в мире, зная, как вреден разлад для дела, но невозможно же этот мир покупать ценой если не согласия, то молчания по поводу его, на мой взгляд, нечестной политики. Не знаю, как только дотянуть этот год, положение мучительное»²⁹.

Иеромонаху Евгению не пришлось быть инспектором до конца учебного года, о переводе его из Чернигова, вероятно, ходатайствовал сам епископ Арсений, и 15 марта 1906 года Святейший Синод назначил его ректором Иркутской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. 25 марта епископ Черниговский и Нежинский Антоний в Сретенском храме Свято-Троицкого монастыря возвел его в сан архимандрита³⁰. При прощании с отцом Евгением преподаватели выразили сожаление о его отъезде, отметив в нем редко встречающееся сочетание мужественности и такта, с которым он действовал, оказывая тем самым положительное влияние на учебное и воспитательное дело семинарии. «Несмотря на молодость своих лет», — сказал один из его сослуживцев по семинарии при прощании, — «вы успели приобрести среди учащихся такой авторитет, что он один не раз сдерживал их некорректные и незаконные порывы и затеи. Несмотря на неблагоприятные условия и разнузданный, деморализовавший среднюю школу дух времени, вы умели поддерживать дисциплину и порядок, насколько это было возможно»³¹.



«НАДО ВСЕГДА ПОМНИТЬ О СМЕРТИ И ГОТОВИТЬСЯ К НЕЙ»

Прибыв 24 апреля в Иркутск, архимандрит Евгений посетил епархиального архиерея, архиепископа Иркутского и Верхоленского Тихона (Троицкого-Донебина)*, который принял его очень ласково, он показался ему глубоким старцем, хотя и весьма бодрым. Впоследствии он не раз просил архиепископа об оказании ему содействия перед Святейшим Синодом, в частности, чтобы Синод не сокращал средств на содержание семинарии, и всегда получал его поддержку. В том же году архимандрит Евгений был назначен председателем Свято-Духовского братства вспомоществования недостаточным воспитанникам Иркутской духовной семинарии, членом Иркутского миссионерского комитета, редактором «Иркутских епархиальных ведомостей».

Ректором Иркутской семинарии архимандрит Евгений был назначен вместо архимандрита Никона (Безсонова), который — после происшедшего в семинарии

* Архиепископ Тихон (в миру Михаил Михайлович Троицкий-Донебин; 1831–1911). В 1861 году он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и был пострижен в монашество с именем Тихон. В 1862 году хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии, с 1894 года — архиепископ Иркутский и Верхоленский. Был известен как человек праведной жизни.



*Архиепископ Иркутский
и Верхотенский Тихон
(Троицкий-Донебин)*

приличия отец Никон не признавал. По-своему заботясь о питомцах семинарии, он щедро раздавал им казенные деньги, которые по большей части тратились на выпивку.

скандала, — 26 февраля 1906 года был хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии*.

Семинарию отец Евгений нашел в полнейшем беспорядке. Деньги расходовались бесконтрольно, и после того, как архимандрит Никон покинул епархию, не представлялось уже никакой возможности определить, куда они делись, так как почти никаких записей не велось. Семинария оказалась сильно распущенной, дисциплины даже в рамках

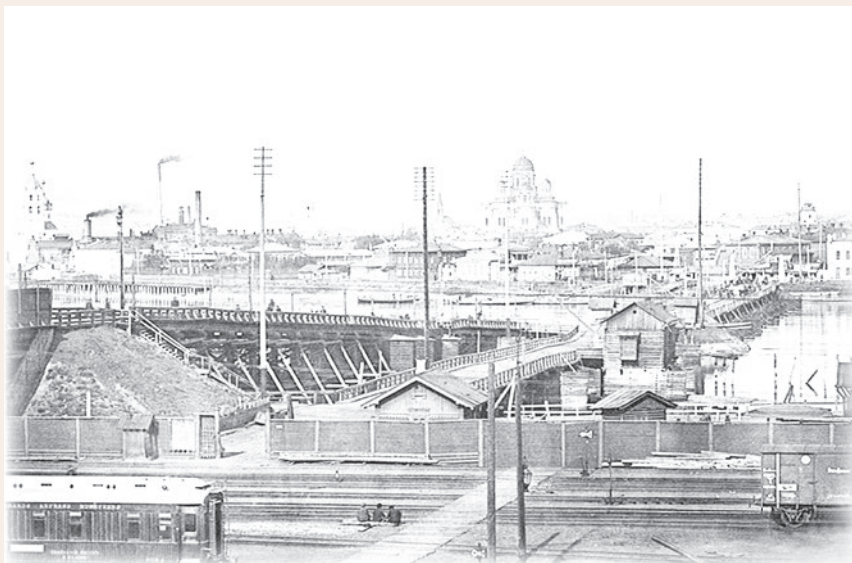
* Епископ Никон (в миру Николай Николаевич Безсонов; 1868–1919). В 1895 году окончил Московскую духовную академию. В 1906 году хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии. С 1909 года — епископ Кременецкий, викарий Волынской епархии. В 1912 году избран членом Государственной Думы. В связи со скандалом, связанным с его сожительством с ученицей духовного училища, он был в 1913 году смещен с кафедры и назначен епископом Енисейским и Красноярским, куда переехал вместе с сожительницей, поселившись с ней в архиерейских покоях. В 1917 году он снял с себя сан и женился. Жена его была вскоре застрелена; Безсонов похоронил ее в Покровском женском монастыре, положив ей на грудь паннагию. В 1918 году он занял пост главы Департамента исповеданий при Министерстве внутренних дел Центральной Рады на Украине, где начал проводить антицерковную политику.



Для окончивших семинарию архимандрит Никон устраивал в своей квартире прощальный обед, переходивший зачастую в попойку. Все царские портреты он распорядился из помещений семинарии вынести в кладовку, кроме одного, подаренного государем Николаем II в память о посещении им Иркутской семинарии, когда он был наследником престола. Но и этот портрет содержался в крайнем небрежении. В семинарии для некоторых воспитанников было отменено вовсе изучение древних языков. Часть преподавателей в свое время была переведена из Иркутской семинарии в другие учебные заведения за выступление против архимандрита Никона, — теперь, после того как он уехал, многие из них стали проситься обратно, и архимандрит Евгений вместе с архиепископом Тихоном стали хлопотать о возвращении их в семинарию.

Осенью 1906 года в Иркутск прибыл иеромонах Прокопий (Титов)*, назначенный в семинарию преподавателем Священного Писания, с ним архимандрит Евгений подружился особенно; он писал о нем епископу Арсению, что отец Прокопий человек дельный и обладает даром слова.

* Священномученик Прокопий, архиепископ Одесский и Херсонский (в миру Петр Семенович Титов), родился в 1877 году. В 1901 году окончил Казанскую духовную академию, был пострижен в монашество с именем Прокопий и рукоположен в сан иеромонаха. В течение нескольких лет занимал преподавательские должности в учебных заведениях. В 1914 году он был хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Херсонско-Одесской епархии. В 1921 году назначен епископом Херсонским и Одесским. В 1923 году он был арестован и выслан за пределы Украины. В 1925 году — возведен в сан архиепископа. В том же году он был арестован и приговорен к трем годам заключения. В 1931 году арестован и приговорен к трем годам ссылки. В 1934 году он был вновь арестован и приговорен к пяти годам ссылки. В 1937 году архиепископ Прокопий был арестован, 28 октября 1937 года приговорен к расстрелу и 23 ноября расстрелян.



Город Иркутск

В 1909 году иеромонах Прокопий был возведен в сан архимандрита и назначен на должность помощника заведующего пастырским училищем в городе Житомире. Отмечая при прощании его деятельность как преподавателя семинарии, архимандрит Евгений сказал: «Преподавание Священного Писания в настоящее время — труд весьма тяжелый, при той холодности, какая нередко наблюдается в учащих к этому предмету, и надо иметь много ума, любви и старания, чтобы им заинтересовать учеников и заставить относиться к нему если не с любовью, то во всяком случае с вниманием и уважением. И вы этого достигли. В этом отношении немалое значение имела ваша личность как человека доброго, искреннего и последовательного. Ученики не могли не понять, что то, чему вы учили, — для вас не звук, а жизнь и что вы стремитесь не только научить, но и воспитать. Честь и слава вам за это»³².

1 января 1907 года архимандрит Евгений произнес проповедь в иркутском кафедральном соборе об идеалах

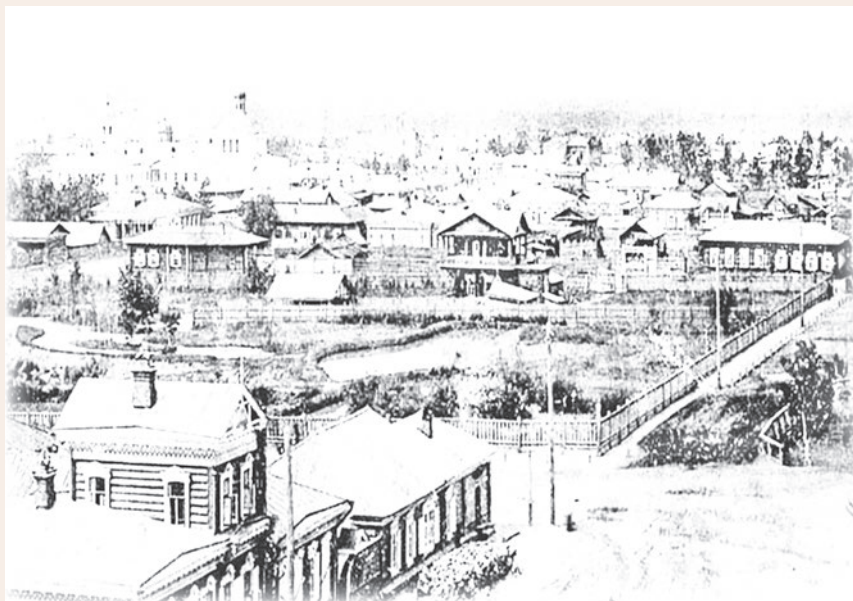


современной ему общественной жизни, в которой, в частности, сказал: «Каждый знает, что общество слагается из отдельных личностей, а так как сумма всегда равна своим слагаемым, то жизнь общества является прямым отражением нашей личной жизни. Чем выше, нравственно чище наша личная жизнь, тем возвышеннее и уровень жизни общественной, и наоборот. И вот, присматриваясь к нашей общественной жизни, нельзя не заметить, что в ней преследуется людьми все тот же чисто животный идеал счастья и в стремлении к нему не стесняются ничем. Но, о ужас! — цели все же не достигают, и все мечты людей о земном счастье разлетаются в прах, как мечты приточного богача! Но где же причина этого, почему же мы не достигаем столь желанного счастья? — Да по той же причине, как и евангельский богач, который желал собирать сокровища для себя, а „не в Бога богател“, то есть в сокровищах видел цель и смысл всей своей жизни и забыл, что земной мир — это та школа, которая нас должна готовить для жизни иной, и житницы мира должны лишь иметь для нас смысл и значение постольку, поскольку они дают нам средства созидать свое внутреннее счастье»³³. Влекомый мыслью к тому, что только и есть для человека действительное счастье, архимандрит Евгений заметил: «Если христианин будет стремиться к небесному блаженству, то он будет счастлив и здесь, на земле, в его сердце будет мир, любовь и всепрощение, а это и будет наполнять душу человека блаженством, счастьем. Наслаждаться же этим счастьем не в силах помешать человеку никакие лишения. Вспомните мучеников первых веков христианства, вспомните, как они за имя Христа претерпевали ужасные мучения (о лишениях я уже не говорю)», — говорил отец Евгений о том, что впоследствии предстояло испытать ему самому, — «и в то же время были радостны и прославляли



Бога, призывавшего их к себе из этого „во зле лежащего мира“. Их благодушие при перенесении мучений удивляло и обезоруживало язычников, и те вступали в Церковь Христову и самим делом убеждались, что в христианстве может быть счастлив даже и самый последний бедняк»³⁴.

С 4-го по 11 января 1907 года архимандрит Евгений, исполняя поручение Учебного комитета, ревизовал Читинское духовное училище в Забайкалье³⁵. Он нашел обстановку училища убогой, бедной и не приспособленной к учебным целям. «Состояние училища по учебно-воспитательной части удовлетворительно», — писал он об этой ревизии епископу Арсению. — «<...> В чем печально положение Читинского духовного училища, так это в его убогой обстановке и в непригодности здания для нужд училища. Училище помещается в трех каменных корпусах, находящихся один от другого на расстоянии 30–35 сажень. Ввиду чего ученикам из главного корпуса приходится по несколько раз в день переходить в два других, где помещаются столовая и спальни. При сильных морозах зимой и грязи осенью и весной эти переходы представляют не только большое неудобство, но и весьма пагубно влияют на здоровье учеников, которые студятся весьма часто, идя прямо после чая или обеда в классы главного корпуса. Помещения спален и столовой весьма тесны. При спальнях нет ватерклозета, и в холодном коридоре ставится так называемая „параша“. На кроватях своекоштных учеников нет простынь, спят без тюфяков, одеваются своим верхним платьем. Между кроватями пройти можно только боком, так тесно в спальнях. В столовой тоже не лучше. Столовых принадлежностей мало, скатертей совсем нет, за столом приходится сидеть так тесно, что один мешает другому. Содержание пищи весьма скромно, но достаточно. Продукты свежие, хлеб хороший.



Город Чита

Вентиляций в спальнях и столовой нет, а потому воздух в них тяжелый. В столовой же ученики оставляют и свое верхнее платье во время обеда и чая, что, конечно, превращает столовую в „раздевальню“ и значительно мешает чистоте и порядку.

Здания, где теперь помещается училище (с 1905 года), первоначально предназначались для семинарии, постройку которой начали с больницы (теперь это классы), образцовой школы (здесь помещаются спальни) и бани с кухней (здесь же устроили теперь и столовую). На все эти постройки убили до восьмидесяти тысяч, и в результате не получилось ни семинарии, ни училища. Здания, кроме бани, одноэтажные. Приспособить здания к нуждам училища необходимо, это потребует от пятнадцати до двадцати тысяч, но денег у епархии почти нет, одна надежда, что придет на помощь Святейший Синод. Нужда же неотложная»³⁶.



Поддерживая постоянную переписку с епископом Арсением, отец Евгений иногда выступал ходатаем за того или иного человека, полагая, что тот мог бы на ином месте послужить Церкви больше. В декабре 1906 года он ходатайствовал за архимандрита Иоанна (Смирнова)*, настоятеля Князь-Владимирского монастыря в Иркутске, заведующего учительской семинарией. «Человек убежденный», — писал о нем архимандрит Евгений епископу Арсению, — «монах строгий и сведущий, курс академии кончил хорошо. Я говорю о нем потому, что, быть может, есть нужда в таких монахах, а об его существовании забыли. Вот о владыке Исидоре помнят, все ближе двигают его к Московской митрополии»³⁷, — с некоторой скорбью отметил он. Вскоре после ходатайства отца Евгения за архимандрита Иоанна, тот был хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. На его место отец Евгений просил назначить иеромонаха Прокопия (Титова), об этом назначении просил и архиепископ Иркутский Тихон, но эта просьба не была удовлетворена Синодом.

20 августа 1907 года Святейший Синод назначил архимандрита Евгения председателем Иркутского епархиального училищного совета³⁸. В этом же году в Иркутскую семинарию была направлена Святейшим Синодом ревизия. Ревизор, действительный статский советник Михаил Иванович Савваитский, встретившись с архимандритом

* Архиепископ Иоанн (в миру Федор Иванович Смирнов; 1857–1918). В 1889 году окончил Московскую духовную академию. В 1901 году принял монашество и был рукоположен во иеромонаха. В 1908 году он был хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. В 1916 году был возведен в сан архиепископа и назначен на Иркутскую кафедру. Вел подвижнический образ жизни.



Евгением, попросил его откровенно рассказать о делах в семинарии. Отец Евгений ответил, что удивлен ревизии, которая была нужна полтора года назад, а не тогда, когда дела в семинарии обстоят более или менее благополучно. Конечно, семинария, заметил он, далека от того идеала, какому должна соответствовать пастырская школа, но пока приходится залечивать старые раны прежнего разлада семинарской жизни, и дело это идет, к сожалению, медленно. Ревизор попросил высказать свое мнение о каждом из преподавателей, но отец Евгений предложил ему познакомиться с ними сначала лично и поговорить с каждым, а затем он уже готов высказать и свои взгляды. Особо ревизор заинтересовался ученической библиотекой, включавшей много книг либерального направления — Чернышевского, Добролюбова, Писарева и т. п. На это архимандрит Евгений ответил, что он это знает, но книги поступили в библиотеку еще при отце Никоне, сейчас подобных книг в нее не выписывается. Изъять же все книги, которыми ученики пользовались при отце Никоне, вряд ли будет полезным: не дадут их здесь, они найдут их в другом месте. И он, и вся преподавательская корпорация старается как-то влиять на это, показывая, что существует иное направление. Ревизор в свою очередь похвалил корпорацию за то, что та предъявляет строгие требования к учащимся, так как учеников прежде всего нужно заставить работать, чего они раньше не делали, а уже потом предъявлять и другие требования. Впоследствии Михаил Иванович Савваитский в отчете Учебному комитету охарактеризовал архимандрита Евгения «внимательным и тактичным руководителем всего учебно-воспитательного дела», как одного из лучших преподавателей семинарии. «Благодаря административному такту ректора семинарии архимандрита Евгения и правильному пониманию



им учебно-воспитательных задач семинарии, преподавательская корпорация, по крайней мере в большинстве своих членов, представляет дружную семью, одушевленную стремлением поднять уровень знаний и умственного развития учеников и приучить их к должному исполнению их ученических обязанностей»³⁹. Особо Савваитский отметил то благоговение, с каким архимандрит Евгений совершал богослужение⁴⁰.

6 мая 1908 года по представлению архиепископа Иркутского и Верхотурского Тихона архимандрит Евгений был награжден орденом святой Анны 2-й степени. С 25 июня по 4 августа 1908 года он состоял временно присутствующим Иркутской духовной консистории. В том же году он был назначен членом Епархиального комитета по удовлетворению духовных нужд переселенцев Иркутской епархии⁴¹.

21 февраля 1909 года отец Евгений писал епископу Арсению: «Спасибо Савваитскому, хотя он это с похвалой отметил в своем ревизорском отчете и признал, что семинария приведена в возможный порядок после той анархии, какая в ней царила. Но надолго ли? Уж очень дни-то лукавы суть, и, несмотря на все затишье, отлично сознаешь, что живешь на вулкане и довольно подземного толчка, чтобы произошло крушение не хуже, чем в Мессине»⁴².

28 апреля 1909 года Учебный комитет заслушал отчет протоиерея Иоанна Восторгова* о состоянии Иркутской

* Священномученик Иоанн Восторгов (1864–1918) — один из выдающихся пастырей, проповедников и миссионеров Русской Православной Церкви конца XIX — начала XX столетий. Он один сделал столько, сколько могут сделать разве что десятки людей и то, если будут денно и ночью трудиться. В своей деятельности, подвиге беззаветного служения Богу и людям он находится в одном ряду с такими подвижниками, как протоиерей



духовной семинарии, в котором тот сообщил, что замечания, сделанные ревизией Савваитского, в настоящее время устранены, остается лишь миссионерский аспект, что «необходимо располагать воспитанников 5-го и 6 классов семинарии к изучению монголо-бурятского языка»⁴³. 16–30 мая 1909 года Святейший Синод поручил архиепископу Иркутскому и Верхоленскому Тихону предложить правлению Иркутской духовной семинарии обсудить вопрос о наиболее целесообразной постановке преподавания в семинарии монголо-бурятского языка, в связи с задачами и потребностями внутренней миссии⁴⁴.

29 мая 1909 года архимандрит Евгений был награжден серебряной медалью на двойной Владимирской и Александровской ленте в память 25-летия восстановления императором Александром III церковной школы. 21 августа того же года он был назначен товарищем председателя комиссии, занимавшейся подготовкой миссионерского съезда представителей сибирских и заграничных православных миссий, который состоялся в Иркутске в июле 1910 года⁴⁵.

Инициатором первого Сибирского миссионерского съезда в Иркутске был протоиерей Иоанн Восторгов, который 25 июля 1910 года своим докладом открыл работу съезда. «Впервые, разбросанные на всем огромном пространстве Сибири, Дальнего Востока и сопредельных с Россией стран языческих миссионеры сходятся вместе», — сказал протоиерей Иоанн. — «Здесь представители миссии от Обдорска и Семипалатинска до Камчатки, Японии, Кореи, от Алтая до Туруханска, от Минусинска

Иоанн Кронштадтский и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Протоиерей Иоанн стал одним из первых мучеников начавшегося после 1917 года гонения на Русскую Церковь; он был расстрелян 5 сентября 1918 года на Ходынском поле в Москве.



*Ректор Иркутской духовной семинарии
архимандрит Евгений (Зернов)*



до Тунки и Забайкалья, от отдаленнейших пределов Якутского края до устья Амура. Собрались здесь миссионеры под небесным благодатным покровом у раки святого миссионера святителя Иннокентия, жизнь которого, от земных утеснений и скорбей до небесной славы, есть как бы символ пути всякого миссионерского дела. Собрались здесь под гостеприимный кров приемника святителя Иннокентия — маститого старца-архипастыря архиепископа Иркутского Тихона, столько лет отдавшего архипастырской и миссионерской работе Восточной Сибири. Здесь пройдут пред нами, как ободрение и живое поучение миссионерам, величавые образы двух современных апостолов: одного — архиепископа Николая, полстолетия подвизающегося в Японии и создавшего там из ничего Церковь из язычников (его представитель здесь — Преосвященный Киотский Сергей*); другого, среди нас находящегося, — апостола Алтая архиепископа Макария**. Каждый из них полстолетия горит на свещнице Церкви, каждый перейдет в историю; каждый примером своей жизни и деятельности показывает нам, как много может сделать одна святая ревность, молитва и благочестие в святом апостольском деле. Увидеть их, услышать их слово, вдохновиться их трудом, наконец знать, что они были, существуют и столько сделали, — разве это не есть источник бодрости душевной? Разве при виде этих старцев, и доньше юношески бодрых в работе, не станет стыдно нам за каждый день и час, проведенный без работы в винограднике Христовом?

Восстанем, братие, воздадим привет благоговеяного почитания великим святителям Церкви!

*Тихомиров.

** Невский.



Но с ними вместе здесь много работников миссии. Узнать, что делается у каждого из них в его уделе, услышать, как Господь помогает делу святому, какие строит ему враг спасения препоны, какие принимаются против этих препон меры, поучиться приемам проповеди и духовного воздействия на язычников и на крещеных; узнать, как то и другое делается и в Японии и на Алтае, и в Пекине и в Обдорске, и во Владивостоке и в Семипалатинске, и в станах бурятских и среди татар; вдохновиться от примеров ревности, изгнать дух уныния, что невольно закрадывается в сердце; пожить столько времени в атмосфере миссионерских интересов и забот, миссионерских нужд и дел, в единой вере, в едином уповании, поднять в себе дух веры и бодрости — разве все это не в силах освежить работников

*Сибирский
миссионерский съезд.
1910 год.
Второй ряд, сидят:
архимандрит Евгений
(2-й слева),
архиепископ Томский
и Алтайский Макарий
(8-й слева),
епископ Киотский
Сергий (9-й слева),
протоиерей Иоанн
Восторгов (12-й слева)*





миссионерского дела, поднять их усталые силы, окрылить, вдохновить на новый труд, на новую работу?

И если б одно только это значение имел наш съезд, и того было бы довольно, потому что влить в сердца наши бодрость и воодушевление — это значит подготовить нам успех и победу в борьбе с областью темной. И если апостол повелевает: „Да разумеваем друг друга в поощрении любви и добрых дел“; и если апостолы, облагодатствованные свыше изливанием огненных языков, вселенские епископы, от Христа получившие указание, как строить Церковь, имели нужду в общении; и если святые пустыnnики иногда издалика приходили один к другому для назидания и соутешения, молитв и взаимной беседы — то что же удивительного в том, что одно только взаимное общение





миссионеров само по себе уже имеет огромное, незаменимое значение и влияние для нашего дела.

Но съезду нашему предстоит решить немало вопросов и чисто практического характера. <...>

Мы видим, что за последние годы явились новые области миссионерской работы. После войн русско-китайской и русско-японской в русские пределы вселилось и ежегодно вселяется множество, целыми десятками тысяч, корейцев, китайцев и японцев. Как действовать миссии по отношению к ним — вопрос совершенно новый. Те утешительные многочисленные случаи крещения, которые мы видим среди корейцев, показывают ясно, что почва здесь для миссии не бесплодная, но даже и среди корейцев дело миссионерское совершенно не устроено; о миссионерском же воздействии на китайцев и японцев, живущих в наших пределах, можно сказать, еще не поднималось и речи»⁴⁶.

Учитывая пожелания Святейшего Синода и замечание протоиерея Иоанна Восторгова, касающееся преподавания монголо-бурятского языка, архимандрит Евгений на одном из заседаний Иркутского миссионерского съезда сделал доклад «по вопросу о желательных изменениях в постановке преподавания миссионерских предметов и монголо-бурятского языка в Иркутской духовной семинарии в целях лучшей подготовки пастырей-миссионеров»⁴⁷. Доклад обнаружил вопиющие недостатки в самом первом и необходимом деле для государства, называвшего себя православным, — в христианском просвещении народов, населявших Россию. Уже прошла одна и надвигалась другая революция, идеологией которой было разрушение государственного строя и атеизм, а царская администрация не предпринимала почти никаких шагов для усиления миссионерской деятельности; вместе с ней



не предпринимала их и высшая церковная власть, подчиненная государственной бюрократии и давно уже смирившаяся с таким положением. И, как всегда, отговоркой звучало, что на самое нужное и не требовавшее больших материальных вложений дело нет денег.

Просвещение монгольских язычников, начатое великим подвижником святителем Иннокентием Иркутским, остро осознававшим необходимость организации специальной подготовки ревностных проповедников христианства, при отсутствии государственной поддержки в дальнейшем было почти загублено его «продолжателями». Один использовал миссионерское поприще, чтобы сделать карьеру и занять более высокое положение, другой ввел в миссионерской школе преподавание латинского языка, свидетельствуя этим об оторванности епархиального начальства от реальной жизни. Третий окончательно преобразовал миссионерскую школу святителя Иннокентия в обычную семинарию, перечеркнув наинужнейшее для Сибири дело великого святителя, которое за 180 лет со дня его кончины таким образом было почти уничтожено. Столь опытный миссионер, каким был протоиерей Иоанн Восторгов, охарактеризовал дело миссии в Иркутской епархии еще и не начатым.

«В настоящее время», — писал в своем докладе архимандрит Евгений, — «мы лицом к лицу стоим с непреложным фактом, что Иркутская епархия (да и не одна она), в которой и теперь, как и во времена святителя, достаточно язычников (бурят в Иркутской губернии насчитывается до ста тысяч), не имеет благовествующих, ибо ее благовестники не знают того языка, на коем их проповедь о Христе могут понять инородцы»⁴⁸. С горечью он констатировал позорнейший факт бездеятельности российского правительства. «Трудно готовить питомцев семинарии



к миссионерской деятельности среди бурят тогда, когда еще не имеется переведенного на их язык самого благовестия о Христе — Евангелия», — писал он в докладе. — «До 1909 года на бурятский язык не было переведено ни одного из четырех евангелистов, и только уже в этом году усиленными трудами членов Иркутской переводческой комиссии был сделан перевод на наречие северо-байкальских бурят Евангелия от Матфея. Но выпустить в свет этот труд, за неимением средств в Иркутском миссионерском комитете, пришлось при посредстве Британского Библейского общества.

Вообще, развитие миссионерского дела среди инородцев Сибири во всех отношениях весьма нуждается в деятельной поддержке, инициативе и материальной помощи со стороны высшей церковной власти. И думается, что при наличности ученых сил наших духовных академий, при достаточности средств издательской комиссии Училищного совета при Святейшем Синоде, при прекрасно оборудованных синодальных типографиях в Москве и Петербурге, при полной готовности местных деятелей трудиться, сколько умеют и могут, на пользу миссии, для высшей церковной власти не должно бы встретиться серьезных затруднений к изданию так необходимых для успешной миссионерской деятельности среди инородцев книг Священного Писания и частью богослужебных, переведенных на их родной язык.

Будучи глубоко убеждены, что для приготовления миссионеров среди язычников нужна специально миссионерская и хорошо поставленная школа, но зная, что ее в настоящее время нет, да и неизвестно, когда она и будет, мы берем на себя смелость сказать несколько слов о возможном улучшении в целях миссионерских постановки изучения монголо-бурятского языка и миссионерских предметов в Иркутской духовной семинарии»⁴⁹.



«Ввиду того, что главной целью преподавания монголо-бурятского языка в семинарии должно служить приготовление воспитанников к миссионерской деятельности среди бурят, а эта деятельность естественно соединяется со служением пастырским, то в интересах лучшего достижения намеченной цели изучение языка следует перенести из младших классов в 5-й и 6 класс, где сосредоточены предметы по преимуществу пастырской специальности, и для учеников этих классов сделать изучение его обязательным. Как более возрастные, воспитанники 5-го и 6 классов способны более самостоятельно и сознательно отнестись к изучению монголо-бурятского языка и понять всю важность этого изучения для будущего пастыря-миссионера. <...>

В основу изучения бурятского языка должен быть положен язык книжно-монгольский, как корень и основа языка разговорно-бурятского, имеющий свои установившиеся грамматические формы и могущий служить исходным пунктом при ознакомлении со всеми немалочисленными оттенками монголо-бурятских наречий, встречающихся по обе стороны Байкала и в самой Монголии. Ознакомление с монгольским алфавитом (у бурят своего алфавита нет) и грамотой откроет доступ к литературе монгольской и даст возможность более правильно усвоить и пользоваться какой бы то ни было транскрипцией для изображения звуков и слов языка бурятского. <...> Главной целью преподавания должно быть, таким образом, практическое изучение бурятского языка. Преподавание должно вестись по особо выработанной программе, обязательной к точному исполнению. <...>

В целях усиления большего интереса к изучению монголо-бурятского языка, желательно было бы изыскать на месте или испросить у Святейшего Синода средства



на командировку учеников 5 класса на летние каникулы к бурятам, где бы они, под руководством преподавателя или опытного миссионера, могли практически знакомиться с языком, грамотой, религией и бытом бурят и монголов. В интересах пользы дела, при обучении бурятскому языку следовало бы в семинарской церкви не менее пяти-шести раз в год совершать, хотя и не все полностью, богослужение на бурятском языке: это бы приучало учащихся к практическому приложению своих знаний и давало бы им известный навык для будущей миссионерской деятельности»⁵⁰.

Церковной властью в свое время было рекомендовано ввести в семинарии миссионерские предметы, но при этом не было указано, какими учебниками следует пользоваться, «и это по той простой причине», — писал архимандрит Евгений, — «что последних не имелось в наличности. И если в настоящее время этот недостаток в семинарии в известной степени устранен, то лишь благодаря тому, что у этого дела некоторое время стоял человек опыта и знания (отец И. А. Подгорбунский (1888–1901))»⁵¹.

Проанализировав положение дел с миссионерством среди бурят, архимандрит Евгений внес весьма скромные, но хотя бы реально исполнимые для столь важного дела предложения: «Монголо-бурятский язык сделать обязательным для воспитанников 5-го и 6 классов, куда и перенести преподавание, соединив этот предмет с миссионерским. <...>

Должность преподавателя бурятского языка сделать штатной и отнести ее содержание на казенные средства. <...>

Ходатайствовать перед Святейшим Синодом о назначении премии за составление учебника для семинарии по предмету — „Учение о буддизме и шаманстве“ или



отпуске специальных средств для издания в качестве учебника имеющихся у протоиерея Подгорбунского рукописных материалов по данному вопросу.

Ходатайствовать перед Святейшим Синодом об отпуске в качестве единовременного пособия 700 рублей и ежегодно 100 рублей к ассигнуемым уже 300 рублям на пополнение фундаментальной семинарской библиотеки необходимыми научными трудами и пособиями по монголо-бурятскому языку и миссионерским предметам.

Открыть свободный доступ поступления в 5 класс семинарии без экзамена для окончивших церковно-учительскую школу и Читинское центральное миссионерское училище...»⁵²

2 сентября 1909 года архимандрит Евгений пережил неприятное, но весьма для него полезное, по его мнению, событие. Было около половины шестого вечера, он сидел в кабинете и, готовясь к речи, которую должен был сказать на следующий день перед началом учебных занятий, писал: «...Жизнь для своего улучшения требует от школы людей здоровой мысли, богатых знаниями, воспитанных в добре, преданных не своему личному, а общему благу. А это благо на вас, как на питомцев духовной школы, налагает целый ряд обязанностей, требует от вас духовного подвига и большого внимания к собственной личной жизни. И хочется верить, что вы, воспитываясь здесь за счет трудовых сбережений простого народа, которые он несет в храмы и тем делится с вами своими последними крохами, захотите полюбить этот народ, пойдете ради него на подвиг пастырства и отдадите себя его благу. Всмотритесь в жизнь, и вы поймете, что этот народ нуждается в просвещении и прежде всего духовном, религиозном...»⁵³

Во время писания речи архимандрит Евгений услышал, что отворилась парадная дверь и кто-то, не входя



в его кабинет, прошел в зал, который служитель в это время приводил в порядок. Между ними завязался разговор, однако слов в кабинете слышно не было. Затем звук шагов снова удалился в переднюю. Отец Евгений, оторвавшись от писания, встал из-за стола и направился в переднюю, в которой едва не столкнулся с двумя незнакомыми ему людьми. Предполагая, что это просители, он потребовал, чтобы они сняли шляпы. Скорее от неожиданности, столкнувшись лицом к лицу с высоким роста ректором, нежели из уважения к общепринятым правилам, они сняли шляпы. «Что вам нужно?» — спросил их архимандрит. Один из них, предупреждая, чтобы в дело не вступил другой и не сказал чего-нибудь лишнего, поспешно ответил, что у них есть просьба. Отец Евгений шагнул ему навстречу, чтобы взять прошение. Но вместо прошения тот вынул из кармана револьвер и со словами «стоять на месте» направил его на архимандрита. Отец Евгений тотчас схватил его за руку, захватив при этом и курок револьвера, и между ними завязалась борьба. Напарник нападавшего,



Иркутская духовная семинария



загораживавший собой парадную дверь, отошел в сторону, чтобы не быть задетым случайным выстрелом. Отец Евгений воспользовался этим и, выбежав в коридор, стал звать на помощь швейцара. Но того на месте не оказалось. В это время нападавшие выскочили из квартиры и бросились бежать. Посланные за ними служители настигли их уже за пределами территории семинарии. С помощью солдат неизвестные были задержаны и отправлены в комендатуру города. При обыске у них было обнаружено четыре револьвера, кинжал, резина с гирей и две бомбы, причем одна большой мощности. Нападавших было трое, но один из них во время нападения оставался в коридоре. Двое оказались беглыми солдатами из Иркутского понтонного гарнизона, а третий — юноша лет девятнадцати, который и напал, угрожая револьвером, назвался Николаем Морозовым. Келейник архимандрита Евгения, внимательно взглядевшись в него, узнал в нем человека, который приходил годом раньше вместе с уволенным из семинарии семинаристом, приходившим посетить своего продолжавшего учиться в семинарии брата. Оба брата были арестованы и на допросе показали, что познакомились с Морозовым случайно, причем один из них сообщил расположение квартиры ректора и дал о ректоре справки, не предполагая, что этим воспользуются для грабежа, который в те времена революционное общество называло «экспроприацией». Время нападения было выбрано в соответствии с полученной от семинариста информацией, что у ректора должны быть казенные деньги, так как в этот период поступают взносы на содержание семинарии. Грабители заявили, что не собирались убивать ректора и принесли оружие только для того, чтобы его поугасть.

Сообщив об этом происшествии епископу Арсению, архимандрит Евгений написал: «В случившемся я вижу



вразумление Божие. Надо всегда помнить о смерти и готовиться к ней. Душой я спокоен. Направления не изменил и не изменю»⁵⁴.

15 октября 1910 года архимандрит Евгений был назначен членом комиссии по открытию начальных училищ во вновь заселенных местностях Иркутской губернии⁵⁵.

Весной 1910 года за Иркутском среди поля, покрывавшегося летом целым ковром цветов, спускавшимся к реке Ангаре, был заложен величественный храм в честь святителя Николая для воинов 28-го Сибирского стрелкового полка, в память тех солдат этого полка, которые мужественно сражались в Порт-Артуре. К концу 1910 года храм был полностью выстроен, украшен и освящен. 19 декабря архимандрит Евгений во время всеобщего бдения обратился к молящимся воинам, сказав: «Слово Божие говорит, что самая главная и бóльшая заповедь в законе, это заповедь о любви к Богу и ближнему (Мф. 22, 36–39). И нет больше любви в мире, как положить жизнь за други своя (Ин. 15, 13). Вот к этому великому подвигу христианского самопожертвования своим воинским служением вы все и призываетесь, возлюбленные братья. Вы должны быть готовы каждую минуту умереть за счастье дорогой отчизны! Но тот, кто всегда должен быть готов к смерти, особенно должен быть чист душою и всегда должен памятовать нелицеприятный суд Божий, на который каждый из нас предстанет по смерти. А потому воин сугубо должен заботиться о храме души своей и беречь ее от всего греховного, нечистого, преступного. Грех привязывает человека к земле, и трудно расстаться с радостями земными тому, кто наслажденье поставил целью своей жизни: эгоизм (себялюбие) и самоотвержение ради блага других — это две противоположности! Нет, чтобы смело умереть, надо верить и стремиться к иному счастью, чем земные



Никольская церковь 28-го Сибирского стрелкового полка

наслаждения, надо верить в иную жизнь — блаженную, надо верить во Христа, своей крестной смертью победившего смерть и даровавшего нам воскресение! Только искренняя, живая и деятельная вера в Бога и может вливать силу, мужество и самоотвержение в душу воина-христианина. И знайте, что самыми беззаветно храбрыми воинами в мире были воины-христиане, они не боялись смерти, ибо верили в воскресение и были чисты душой, были глубоко нравственны! <...>

Русский воин не может забыть, что счастье государства, его мощь, благоденствие и успех должны иметь главной своей целью создание таких условий жизни на земле, которые всемерно способствовали бы достижению людьми конечной цели своего земного существования — блаженной вечности и давали бы могущественную поддержку для торжества завещанных Христом правды, мира и любви!...»⁵⁶

29 июня 1911 года скончался благочестивый покровитель отца Евгения — архиепископ Иркутский и Верхотенский Тихон. 3 сентября архимандрит Евгений



вместе с приехавшими после каникул преподавателями и учащимися отслужил на могиле почившего архипастыря в усыпальнице при кафедральном соборе панихиду, предварив ее словом. «Мне сейчас, как живой, представляется благолепный старец архиепископ со своим светлым, ласковым взором, с доброй, кроткой улыбкой, с сердцем, полным христианской любви и участия», — сказал он. — «И я глубоко убежден, что поскольку добро, христианская любовь и правда переживают тех, кто их творит, постольку владыку архиепископа нам забыть нельзя. <...> Благодаря его щедрой материальной помощи многие из бедных воспитанников не только оканчивали семинарию, но даже продолжали на его средства образование и дальше, в академии. Но владыка не любил шума и похвалы и добро творил тихо, не заботясь о широкой огласке. <...> Едва ли вы когда забудете, как владыка, по особой любви своей к семинарии, уже больной, преодолевая своей недуг, служил у нас 30 мая, в наш престольный праздник. Напрасно я старался отговорить его от этого служения, советуя поберечь свои упадающие силы. Владыка сказал мне: „17 лет служил я в этот день в семинарии, тяжело будет не служить теперь; отслужу, Бог поможет, кто знает, быть может, и служу-то последний раз“. И действительно, это было последнее, незабвенное служение владыки в семинарском храме»⁵⁷.

На следующий день в семинарском храме состоялась молебен новопрославленному святителю и чудотворцу Иоасафу Белгородскому. Размышляя вслух над тем, почему Церковь причислила епископа Иоасафа к лику святых, архимандрит Евгений напомнил те церковные положения, на основании которых совершается канонизация. «Велик святитель тем, что он был в своей земной жизни истинным носителем пламенной веры и любви Христовой», — сказал



архимандрит Евгений. — «Для него евангельские заветы Христа были не отвлеченными истинами, а жизнью. Верный этим заветам, святитель неуклонно шел по пути указанного Христом самоотречения, которое, духовно-нравственно усовершенствуя человека, ведет его к вожделенному единению с Богом и делает святым и благочестивым. <...>

Но Бог, призвав святителя от сего временного жития в свое вечное царство, благоволил прославить его здесь, на земле, нетлением мощей, от которых многие стали получать исцеление вскоре же по блаженной кончине святителя.

Обилие чудес у гроба святителя Иоасафа, чудес, поразительных по своей силе, как-то: исцеление слепых, ослабленных, неизлечимо больных — с очевидностью доказывало, что святитель Иоасаф — избранник Божий и привлекало к нему тысячи верующих сердец боголюбивого народа русского»⁵⁸.

На место почившего архиепископа Тихона был назначен архиепископ Полоцкий и Витебский Серафим (Мещеряков)*, человек совершенно иного духа.

* Впоследствии митрополит Ставропольский Серафим (в миру Яков Михайлович Мещеряков), родился в 1860 году. В 1885 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, с 1893-го по 1898 год — ректор Тифлисской духовной семинарии. В 1898 году хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. С 1902 года — епископ Полоцкий и Галицкий. С 1911 года — архиепископ Иркутский и Верхоленский. В 1915 году уволен на покой с пребыванием в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. В 1919 году был избран общинами во епархиального архиерея Костромской епархии, назначен архиепископом Костромским и Галичским. В 1922 году уклонился в обновленческий раскол. В том же году он был назначен обновленцами митрополитом Могилевским. В 1924 году принес покаяние перед



*Архиепископ Иркутский
Серафим (Мещеряков)*

«Я искренно прошу прощения за свое долгое молчание», — писал архимандрит Евгений епископу Арсению, — «но сознаюсь, что как-то трудно было взяться за перо, чтобы писать о себе, все думалось, что меня не так поймут и в моих писаниях о иркутских злостраданиях усмотрят лишь желание перейти из Иркутска, и я молчал. Но теперь поборол свою мнительность и пишу.

Новый владыка Иркутский человек очень тяжелый и неприятный. Будучи человеком бестолково тщеславным, он помешан на шумихе и рекламе. <...> И вот, получая в Витебске „Иркутские епархиальные ведомости“, он

Патриархом Тихоном, принят им в церковное общение в сане архиепископа. Объясняя мотивы своих поступков в своей обширной речи, он в частности сказал: «Сделал это я, во-первых, в силу тягостных для меня обстоятельств жизни и по независящим от меня причинам и, во-вторых, надеялись таким образом спасти общее положение Церкви...»⁵⁹. В том же году архиепископ Серафим был арестован и приговорен к двум годам заключения, которое отбывал в Соловецком концлагере. В 1927 году он был назначен митрополитом Сергием (Страгородским) на Ставропольскую кафедру, в 1932 году возведен им в сан митрополита. 17 января 1933 года митрополит Серафим был арестован. На следствии он дал обширные показания о подчиненном ему духовенстве и мирянах, а также о собратях-архиереях, на основании которых те были арестованы и приговорены к различным срокам заключения. В том же году митрополит Серафим был приговорен к расстрелу и расстрелян.



обиделся, не найдя там о себе надлежащих сведений, хотя еще те рано было помещать о нем — мы не имели на то официальных данных. Но все же он не утерпел и написал ключарю, что-де Ведомости не отображают собой епархиальной жизни, что Витебские ведомости не в пример лучше и что духовенство всех рангов — значит, в Иркутской епархии — спит и что ему трудно придумать, как разбудить нас. В заботе об этом пробуждении он потребовал церемониал встречи, который и был ему отослан. Некоторое его не удовлетворило, и он сделал свои поправки. Так как в Иркутске народ, смею думать, не глупее, чем во многих других городах России, и Иркутск встречал не только архиереев, но и наследников Русского престола, то предупредительность нового архипастыря касательно того, как его встретить, произвела плохое впечатление. Встречен он был по сибирскому обычаю радушно и торжественно, собор был переполнен народом и чиноначалием <...>. Дальше он стал действовать в том же духе, не стесняясь, стал осуждать деятельность почившего архиепископа, не счел нужным пойти к нему на могилу и вообще подчеркивал свое полное к нему неуважение. Но всем этим достигнул результатов как раз противоположных тем, каких желал.

На другой день по приезде уволил секретаря архиепископа и перетащил своего витебского. Так как секретарь был очень хороший человек и честный, то все были удивлены, а он говорил, что ему в Питере сказали, что он, секретарь, епархией правит, но там, как всегда путают: тот, который когда-то несколько и правил, был уволен еще в 1908 году, а этот пострадал только потому, что надо было выписать своего.

Любя самоотверженно своею архипастырскою душою наушничество, он где-то набрал сплетен и про семинарию, и вот пришлось с ним почтительнейше объясняться



и доказывать, что он кем-то введен в заблуждение. Насколько я понял благостного владыку, то моя вина состоит в том, что покойный архиепископ относился ко мне с любовью и доверием. Не думаю, чтобы нравилось владыке и то, что и другие начальственные лица тоже относятся ко мне с вниманием, доверием и любовью. Но что в этом худого, я до сих пор не понимаю. В Петербурге, говорит он, ему сказали, что в Иркутске все худо, и он должен навести порядки. И вот он, усвоив этот ложный принцип, не желает видеть ничего хорошего, и, когда сама очевидность доказывает всю ложь этого принципа, он сердится. <...>

Недоумевает, почему паства не преклоняется перед его ораторским талантом и ученостью, и все вспоминает „Тихона“. Говорит бойко, но малосодержательно и без конца длинно, так что сам даже забывает, с чего начал.

Служит не изящно, голосом владеть не умеет, у него тенор, но не красивый. Любит помпу, но устроить ее тоже не умеет. Не зная местных особенностей в службе, мудрит, заводит новые порядки, но все это как-то без толку. Он вообще не умеет твердо и определенно сказать, чего он хочет, да он, думаю, пока даже и сам не знает, чего он хочет, или, быть может, он хочет, чтобы угадывали, чего он желает, но так как мы его совсем не знаем, то и не угадываем. А он, как обычно в таких случаях бывает с владыками, сердится, но беспредметно — на всех и ни на кого. Все это создает такие условия службе, которые мало обещают приятного. <...>

О себе могу сказать, что милостью Божиею пока мирен и благополучен. Правда, бунты в российских семинариях приподнимают несколько настроение и наших семинаристов, но пока те мальчишеские порывы еще можно сдерживать, хотя за дальнейшее, конечно, трудно ручаться. Время такое переживаем смутное. Всюду неожиданности»⁶⁰.



Переплетенность в то время событий церковных и государственных, таких, как отмечаемые Церковью дни рождения императора и наследника цесаревича, невольно приковывали мысль архимандрита Евгения к русской истории, к значению православия для жизни государственной. «Русский человек никогда не должен забывать», — сказал он в один из таких дней, когда невольно вспоминалось великое прошлое русского народа и становилось все более очевидным его жалкое настоящее, — «что вера Владимира святого создала великое Русское государство, что она, а не что другое, вошла в основу государственного строительства этого великого князя и что пример христианского подвига сонма русских святых и мучеников в течение целого ряда веков воспитывал душу русского народа в вере и благочестии и тем создал его в народ духовно сильный и в государство великое.

Но, братие, когда присматриваешься к жизни наших дней, то видишь, что современные русские люди начинают изменять святым началам жизни своих благочестивых предков и на место веры и благочестия нередко ставят растлевающие жизнь идеи западных ученых. Дарвиновская борьба за существование индивидуумов; марксовская борьба классов и ницшеанская мораль сверхчеловека, человека-зверя с его заповедью: „падающего толкни“ — вот чем живет в известной своей части современное русское общество, вот что становится его руководящими принципами. Но эти пагубные принципы губят жизнь, разрушают семью, школу, государство и грозят многими бедами Святой Церкви и всему христианскому миру. И если русский народ не хочет своей гибели, то он должен бояться их и быть верным и преданным святой своей вере православной и неразрывно связанному с ней благочестию»⁶¹.



ЗАБРОШЕННЫЕ ЛЮДИ

9 января 1913 года Святейший Синод назначил архимандрита Евгения епископом Киренским, викарием Иркутской епархии. 20 января архиепископ Иркутский и Верхоленский Серафим (Мещеряков) в сослужении епископов Томского и Алтайского Мефодия (Герасимова) и Забайкальского и Нерчинского Иоанна (Смирнова) хиротонисал его во епископа Киренского⁶².

Богоявленский кафедральный собор, в котором совершалась хиротония, был наполнен в этот день молящимися. Кроме официальных лиц, таких, как генерал-губернатор, здесь были люди из всех слоев общества. Многие пришли сюда привлеченные торжественностью службы, иные потому, что знали архимандрита Евгения, иные слышали о нем много похвального и теперь хотели увидеть. По окончании литургии в покоех архиепископа Серафима состоялась трапеза, за которой по обыкновению произносилось много речей и благопожеланий. Преподаватель, выступивший от семинарской корпорации, так охарактеризовал бывшего ректора: «Обласканные вашим сердцем, мы охотно шли к вам с нуждами преподавательскими, с запросами общепедагогическими и за советом в личной жизни. Ваша доброта победила нас. Но эта сердечность была вместе с тем и разумной, просвещенной. В вашем лице мы видели прекрасное сочетание чудного сердца с природным и развитым умом. Отсюда то спокойствие



и ясность взгляда, который ободрял нас и был так необходим в сумерках школьной жизни»⁶³. Вновь и вновь отмечалось, что принял семинарию архимандрит Евгений в состоянии разрухи, а оставляет ее «с благоустроенным храмом, с разумной внутренней и внешней дисциплиной, с прочным укладом добросовестного педагогического труда, с упорядоченными библиотеками и с подновленной семинарской обстановкой, при электрическом освещении»⁶⁴.

«О себе долгом почитаю сказать, что живу, радуясь о Господе», — писал он вскоре после хиротонии архиепископу Арсению. — «Но эта радость омрачается лишь одним, что архиепископ Иркутский не желал видеть меня своим викарием, и это случилось, как он сам говорит, сверх его ожидания. Я, конечно, в том, что меня назначили, ни душою ни телом не виноват, ибо никогда о себе никого не просил и ничего себе не искал. И назначение принял как волю Божию, как жизненный крест, как послушание. Служить при таких условиях нерасположения к себе, конечно, тяжело, но что же делать? Буду учиться повиноваться в жизни владыкам не только кротким, но и строптивым. Вин я за собою никаких не знаю, обязанности я свои исполнял с усердием, хотя это и ни в грош не ценилось их Высокопреосвященством, — и совесть моя спокойна. Желая ограничить мое влияние и сферу деятельности, архиепископ представил меня к увольнению из председателей Училищного совета — это в благодарность за то, что я шесть лет отдавал последний досуг и отдых этому делу, которое любил и люблю»⁶⁵.

Вскоре после хиротонии епископ Евгений отправился с миссионерской поездкой по храмам викариатства, что викарными епископами в то время практиковалось крайне редко, обыкновенно они жили в кафедральном городе, являясь административными помощниками правящего



*Епископ Киренский,
викарий Иркутской епархии, Евгений*



архиерея, и круг административных обязанностей и возможностей такого епископа был весьма ограничен.

«Киренский уезд — это самый отдаленный угол Иркутской епархии, разбросанный на территории в 411 тысяч квадратных верст, с 55 тысячами человек жителей <...>. Угол дикий даже в мнении сибиряков; природа сурова: зимой глубокие снега, ураганы, морозы до 45 градусов по Р[еомюру]; летом — ожившие после зимней спячки леса кишат медведями, сохатыми, миллиардами мошки и комаров, которые заставляют людей прятаться в душевные сетки, а животных нередко заедают насмерть. Пути сообщения убийственны. Чтобы посетить жилые места уезда, нужно сделать более шести тысяч верст, при самых разнообразных способах передвижения. Из них — наилучший по реке Лене пароходом; где же пароходы не рейсируют, как по рекам Илиму, Киренге, Ангаре (ниже порогов), Нижней Тунгуске, там сообщение на лодке, вниз по реке — на гребях, вверх — тяга бечевой <...>. Есть места, где тяга бечевой совершается около отвесной скалы в глубь реки при невероятно быстром течении, лодка укрепляется за дерево или камень, а бечеву на маленькой лодочке (стружке) длиной саженой 30–40 везут вверх, здесь конец ее привязывается за что-либо: дерево, камень и подобное, тогда лодка поднимается по бечеве до указанного места и закрепляется, бечева провозится дальше, а за нею потом лодка и т. д. Путешествие не из приятных: в раннюю весну около берегов горы льда, которые подтаивают и рушатся, в ненастное время — с гор и скал нередко катятся каменные глыбы весом в несколько сотен пудов <...>. В верховьях речушек — Илима, Киренги, Нижней Тунгуски — путешествие совершается на мелкосидящих небольших лодочках; деревянные из них, могущие вместить двух-трех седоков, почитаются за экипаж весьма удобный и роскошный;



Епископ Евгений в лесу под Илимском

обыкновенно же сообщаются на лодочках берестяных, очень чувствительных к малейшему движению седока и весьма опасных для неопытного пловца; но такая „душегубка“ имеет и свои достоинства: в течение часа на ней возможно совершить около 15 верст; седок сидит, поджавши ноги, а ямщик, стоя в корме лодки, толкается двумя шестами. При переездах через горы — сообщение на экипажах. Но что это за экипажи? И что это за пути сообщения, особенно в Илимском крае? Это нечто ужасное! Экипажи — простые четырехколесные телеги, на которых каждый бугор на дороге, каждая ямочка — дают вам о себе знать, а есть блаженные местечки, где дорога почти сплошь — ямы и бугры, ямы, в которых колесо вязнет до оси, бугры, от которых телега опрокидывается на бок, путешествие совершается с быстротою по 4–5 верст в час. Из кустарника вас приветствуют миллионы мошек и комаров, наполняя ваш рот, уши, нос, беспощадно кусая, приходится на руки одевать длинные кожаные перчатки, а лицо и шею плотно укрывать тюлевой или волосяной сеткой, одеваемой



на шляпу и опускающейся по шею и даже по пояс. Есть и такие местечки, где сообщение возможно только верхом на лошади на несколько десятков верст, нередко или при жаре в 30–40 градусов, или под проливным дождем. <...> Медицинские пункты очень редки: на весь громадный уезд врачей всего человек пять и несколько больше фельдшеров; в силу этого запасаясь медикаментами и разными инструментами и приспособлениями для лечения.

Жуть берет, когда представишь себе все прелести путешествия по Киренскому уезду. Это жутко мне — сибиряку, а что же должен был чувствовать владыка — пришлец России, уроженец Москвы», — писал сопровождавший епископа Евгения священник, — «когда он совершал свое продолжительное и многотрудное путешествие, перенося всевозможные лишения на пути, недосыпая, недоедая, подвергаясь резким переменам погоды, что нередко весьма чувствительно отражалось на состоянии его здоровья,



Епископ Киренский Евгений во время поездки по епархии



Епископ Евгений

особенно горла. Были дни, когда, по болезни горла, он едва мог говорить, однако не оставил ни одного селения, ни одной деревни без богослужения и пастырского нази-дания»⁶⁶.

«По заранее составленному маршруту поездка распределена была на весь июнь, июль и часть августа, с объездом района в 6420 верст, в пределах трех благочиний Киренского уезда.

Когда составлялся маршрут, епископ Евгений сказал: „Нужно составить маршрут так, чтобы я мог посетить все села и деревни Киренского уезда, посетить все церковные и министерские школы и во всех храмах и приписных молитвенных домах помолиться вместе с вверенной Богом паствой“.

И такое едва, можно сказать, преодолимое намерение владыка исполнил почти в точности», — писал об этой поездке сопровождавший его священник, — «не посетив...



всего два прихода, за невозможностью проезда; посетил такие места, где Преосвященный был лет 20–25 тому назад, и даже такие — где архиерей не бывал совсем, <...> некоторые деревни и села по рекам Ангаре, Илимю и Лене. Бывалые люди положительно удивлялись намерениям владыки, когда узнавали об его бесповоротном решении побывать во всех темных уголках далекого Киренского уезда, и решительно не советовали ему пускаться в столь далекий и рискованный путь, указывая на убийственные пути сообщения, отсутствие медицинской помощи, возможность местами голодовки <...> (однажды во всей, сравнительно большой, деревне по Лене не могли достать себе даже картофеля), массу мошки, комаров и пр. Но владыка остался непреклонен. „Господу содействующу, — говорил он, — совершим мы свой нелегкий путь. Нужно же знать, как течет жизнь насельников-христиан мало ведомого культурному миру Киренского края, и внести им луч света Христова“. <...> Борясь с болезнью и мужественно мирясь со всеми неудобствами пути, владыка постоянно помнил то дело святое, ради которого предпринял едва посильный труд. Приходилось в некоторые села прибывать ночью. Храм залит огнями, село не спит, на берегу все — и старый, и малый, матери с грудными детьми — ждут выхода дорогого гостя. Впечатление Пасхальной ночи, настроение приподнятое, радостное. С удивительным вниманием все выслушивают молебен и акафист, и положительно толпа безмолвовала, когда владыка говорил свое властное архипастырское слово. Замечательно он говорит: свободно, просто, но сильно и вразумительно <...>. Главной темой его было раскрытие учения о спасении чрез Иисуса Христа, затем — подражание святым, в честь которых построены храмы, а также на темы злободневные, как например о пагубности пьянства. Особенно сильны и жгучи были



речи его в приходах со ссыльным политическим элементом, раскрывавшие слушателям всю суетность социальных утопий, настолько сильные, что оставляли глубокие следы в огрубелых сердцах самих политических. <...> Везде владыка тщательно осматривал здания храмов и часовен, делая... ценные указания, где это было нужно, по вопросам ремонта, пополнения икон, библиотек церковных... В случаях крайней бедности владыка <...> делал денежные пожертвования то на постройку храма, то часовни <...>. Осмотрев храм, владыка направлялся обязательно в школу, какая бы это школа ни была — министерская или церковная, где производил испытания собравшимся ученикам по всем предметам, затем осматривал школьную библиотеку, обращая главное внимание на отдел религиозно-нравственный; везде настаивал обязательно иметь полное житие святых и чтобы каждый учащийся непременно знал житие своего тезоименитого святого <...>.

Затем производилась тщательная поверка церковных документов, сумм, свечей и прочих церковных материалов.



У церковно-приходской школы в селе Коченгском



Владыка вникал во все и делал нужные разъяснения и указания по разным вопросам приходской жизни. В доме священника, в простой задушевной братской беседе со своей духовной паствой и братией владыка интересовался общим состоянием прихода в отношении религиозно-нравственном, просветительном, в отношении взаимообщения пастыря с паствой, исполнения последней ее христианских обязанностей, в отношении благотворительности, трезвости прихода, преподавая архипастырские советы и указания со свойственной ему находчивостью, деловитостью и серьезностью. <...> Простота его в обращении невольно располагала к нему всякого, и каждый смело делился с ним своими жизненными наблюдениями и опытом по всяким вопросам приходской жизни. Его желание помочь всякому располагало идти к нему со своим горем, нуждой и скорбями, и приходившие находили у него утешение, ободрение, поддержку, часто и материальную. <...>

Из Иркутска двинулись 2 июня. Свиту составляли: сопровождающий священник, архидиакон, два иподиакона, послушник и три певца. Отход парохода был назначен в 6 часов утра. Владыка прибыл из Иннокентьевского монастыря в пять с четвертью... Иркутск только пробуждался и начинал свою жизнь <...>. Близкие знакомые собрались проводить владыку и пожелать ему счастливого пути. Владыка скромно прошел в свою каюту, а затем вышел на шканец парохода, где было много разряженной публики <...>, ехавшей прокатиться до села Усоляя, по случаю праздника. <...> Пароход дал два свистка, было уже около 7 часов утра; публика волновалась и негодовала на часовое запоздание в отходе парохода. Около нас с владыкой стоят двое (один еврей) и непринужденно высказывают, негодуя, свои предположения о причине запоздания. Подходит третий и спрашивает: „почему так



долго не отходит пароход?“ Еврей поясняет — „и потому, что ждут архиерея“. — „Неправда, — сказал с достоинством владыка, — архиерей давно здесь“. Собеседники были неожиданно поражены и почтительно замолчали; они не ожидали видеть архиерея в скромной священнической рясе среди разнокалиберной публики»⁶⁷.

Знакомясь с религиозной жизнью и бытом народа, затерянного в глуши среди полей и лесов, можно было наглядно видеть последствия правления государством абсолютистской монархии, когда во многих случаях не религиозные чувства руководили поступками людей, а страх перед начальством, один лишь вид которого производил зачастую парализующее волю человека действие. Государственная власть воспринималась жителями не заботливой устроительницей их жизни и вообще жизни государства, а беспощадной сборщицей разного рода налогов. Сопровождавший епископа священник писал: «Когда владыка шел по улице, вся деревня, от старого до малого, становилась на колени. Я думаю, что ими руководило необъяснимое для них чувство страха при виде высокого посетителя. Когда владыка обратился к женщинам и спросил — чем они занимаются в свободное от работы время, — они оробели и... молчали. Ведь и немудрено: эти заброшенные, видя редко людей, трясутся, когда к ним прибудет „господин урядник“ или старшина, вообще какая-либо власть, — что же они должны были переживать, когда видели перед собой такого необычного для них посетителя, как епископ?! Когда отправлялись от Туны, небо начало подергиваться грозowymi тучами, и версты три ниже раздался над головой оглушительный удар грома, а несколько спустя пошел очень крупный град, величинной с большую горошину, затем полил дождь настолько сильный, что промочил насквозь крышу лодки, ямщики



промокли до последней нитки. Через шесть верст — деревушка Чурилова, в восемь дворов. <...> Бедность настолько здесь сильна, что проезжающий не имеет возможности найти хотя сносную квартиру, чтобы остановиться для отдыха; ночевать проезжие остаются только в самом крайнем случае, когда застигнет или дождь, или темная ночь. <...> Население вымирает, особенно новорожденные; окрестное население избегает выдавать в Чурилову своих дочерей замуж, боясь нищеты и болезненного состояния деревни (среди большинства развиты венерические болезни). Врач здесь почти совсем не бывает; изредка посетит фельдшер, даст лекарства и едет дальше, а население в способах употребления лекарств настолько сведуще, что нередко смешивает соду со стрихнином, пьет от всяких недугов порошки из толченого сахара, что в старое былое время давались фельдшерами, за неимением медикаментов, и прочее подобное. Владыка поинтересовался деревушкой, посетил крестьянские избы, благословил ее



*Никольский храм в селе Криволюкском.
Народ в ожидании выхода епископа с парохода*



насельников и раздал им крестики, иконки и житие святителя Иннокентия»⁶⁸.

«В 10 часов вечера приплыли в деревню Абакшину, разбросанную по обеим сторонам Илима, в двадцать дворов. Здесь для владыки была приготовлена более удобная лодка, уступленная „царем“ Илима купцом Я. А. Черных; в ней можно было спать, пить чай, писать, свободно сидеть, но ходить, согнувшись, вследствие низкой крыши. Лодка длиною аршин двенадцать, на ней устроен деревянный из досок коробок, разделенный на два-три помещения, по сторонам устроены небольшие оконца, дающие свет, но не воздух: открыть окно нельзя: сейчас же пожалуют „педуны“ (комары) и „мошкара“, как называют на Илеме мошку, а эти гости поистине — бич для всякого посетителя Илима; от них спасение или в сетке, или в дымокуре (конский навоз на углях); предпочтешь лучше дышать дымом скотского навоза, чем свежим воздухом, насыщенным мириадами насекомых, которые бесцеремонно наполняют рот, уши, нос, глаза. Абакшино лучше Чуриловой. Избы поопрятнее, мужички зажиточнее и приветливее. К встрече владыки они особенно прибрались и принарядились. Пестрая толпа народа была на той и другой стороне Илима. Когда мы пристали к левому берегу, все с противоположной стороны бросились в берестянки и стремительно перебрасывались к нам, чтобы не меньше других видеть дорогого и высокого гостя, слышать, о чем он будет говорить, каков он и т. д.

В ожидании небывалого посетителя население, видимо, испытывало некоторый страх: мужички стояли на берегу и боялись подойти ближе к лодке. Казалось: выйди владыка и повелительно крикни на них, они моментально обратились бы в бегство, настолько они запуганы всяким „начальством“. Волостной старшина, сопровождавший



*Верховье реки Илима. Крытые лодки,
в которых совершаются поездки по Илиму и Ангаре*

нас, передает просьбу абакшинцев, что они желали бы отслужить молебен на своих нивах, расположенных тотчас за избами. Был одиннадцатый час ночи. Густые тучи закрыли небо, собирался дождик. Но владыка охотно исполнил желание этих детей природы. И какая торжественная минута была в жизни абакшинцев! Вынесенные из домов иконы (часовни нет) представляли полукруглый иконостас; перед ними на столе пылала не одна сотня восковых свеч; дикая природа... полночный час... вдруг полились могучие звуки церковных молитвословий, и они неслись далеко, оглашая тайгу и подымаясь высоко к небу... Пели мы все: это усугубляло впечатление. Народ в немом безмолвии замер от невиданного зрелища. А архипастырь возносил свою тихую и горячую молитву туда — к престолу Всевышнего, о мире, благе и счастье вечном этих заброшенных среди дикой чащи чад Христовой Церкви и во многом не ведающих Бога истинного и Творца всяческих»⁶⁹.



«Весть о прибытии владыки <...> разнеслась по всей Киренге. При приближении парохода народ сбегался на берег и с каким-то затаенным страхом ждал высокого гостя: здесь были и грудные младенцы и, как лунь, старики, на закате дней своих желавшие хоть раз в жизни взглянуть на „Преосвященного архирея“. Во всяком пункте, где собирался народ, владыка выходил на берег, благословлял, раздавал крестики, листки, изображения святого Иннокентия, его житие, Евангелия и Псалтири; нередко выслушивал просьбы мужичков по наболевшим нуждам их хозяйства, например несправедливом распределении земельных наделов, отсутствии медицинской помощи и т. д. Жители Киренги в общем мало развиты и крайне бедны. Пахотной земли у них мало; вообще-то земля есть, но она принадлежит казакам, живущим в Киренске, и местное крестьянское население не имеет права ей, как чужой, пользоваться. Крестьяне, например, деревни Шороховой не раз ходатайствовали об отводе им свободных казацких земель, но безрезультатно.

Мартыновский и Казачинский приходы тянутся по реке Киренге более чем на четыреста верст и доходят до самой северной части озера Байкала. <...> На всем протяжении этих приходов нет ни одного фельдшерского пункта, и народ, оставленный здесь без медицинской помощи, гибнет от болезней. Когда мы были там, начиналась эпидемия тифа, была сильная оспа и скарлатина; за полугодие от скарлатины умерло двадцать семь [человек]. Ждали фельдшера из Иркутска; приехал ли он — неизвестно»⁷⁰.

Во время путешествия можно было наглядно увидеть, насколько тяжела жизнь местных крестьян и насколько они бедны. Во многих местах при продвижении по Ангаре лодки тянулись «не лошадьми, а народом и преимущественно женщинами, нередко в „интересе



последних дней“. Местами и владыку тянули народом, но на этот раз не решились впрячь женщин. Тяжела доля этих бурлаков»⁷¹.

В другом случае, говоря о бедности населения и невозможности выучить детей даже грамоте, сопровождавший епископа священник писал: «Школы в Наумовой, за бедностью населения, нет; в ближайшей Коченгской школе учить детей, с платой за квартиру и содержание, не под силу. Дети остаются в большинстве неграмотными. Желая, однако, дать им хоть самые элементарные сведения по чтению, письму и исчислению, мужички негласно отдают своих ребятишек в научение политическим ссыльным, которые за ничтожное вознаграждение где-либо в избе учат Бог весть как и Бог весть чему, но все же учат. И мужичок доволен этой учебой: „все же парнишка, — говорит он, — дома не балуется, а окромя того, научится читать, писать и шшитать...“ Школа здесь положительно необходима, с усиленным субсидированием



Алексеевская церковь в селе Коченгском



от казны»⁷². Напечатанное в официальном церковном журнале благое пожелание, однако, так и осталось пожеланием, и страна как в области государственного управления и хозяйствования, так и в области религиозного просвещения продолжала держаться подвигом отдельных людей — Вениаминов и Иннокентиев.

В своем отчете о путешествии, описывая условия жизни как пастырей, так и крестьян, епископ Евгений писал: «Религиозно-нравственное состояние насельников Илима можно признать удовлетворительным. Но при этом нельзя не отметить, что народ в общей массе темен и в религиозном и в нравственном отношении.

Главный порок — пьянство, на почве которого растут и развиваются все другие пороки и преступления — распутство, убийства, дерзость и своеволие молодежи. Духовенство в меру своих сил стремится поднять религиозно-нравственную жизнь своих прихожан и к отправлению своих пастырских обязанностей относится с усердием и самоотвержением. Условия, в которых живет и работает духовенство, весьма тяжелы и в культурном, и социальном, и климатическом, и топографическом отношении и требуют большого подвига от священника. Приходы, например, кроме Нижне-Илимского, разбросаны на большие пространства — есть селения, отстоящие на сто верст от приходского храма. Отсюда понятно, сколько тратится священником времени и труда (о трудностях и лишениях в пути, о холоде... я уже не говорю) лишь на то, чтобы посетить своих прихожан со святыней на праздниках Рождества Христова и Пасхи, а равно для совершения треб — исповеди, причащения, крещения и иногда погребения (в большинстве за отдаленностью отпевание совершается заочно). Прихожане тоже за отдаленностью редко посещают свой приходский храм. При таком условии



*Город Илимск. Епископ Евгений с духовенством
и прихожанами, рядом с ним сидят
священник Николай Саватеев и его супруга*

пастырское влияние священника невольно ослабляется, и священник часть своей паствы никогда не видит и не может видеть в своем приходском храме, а значит и лишен возможности достаточно научить <...> вере и нравственности.

Единственной пособницей в пастырской просветительной работе священника остается церковная школа. Их в крае семь: шесть мною посещены. Все они довольно благоустроены и достаточно снабжены учебниками, учебными пособиями и письменными принадлежностями. Произведенные мною выпускные экзамены в школах Кочепской, Тубинской и Кеульской и спрос учеников в остальных школах дает мне основание заключать, что учебное дело в них поставлено удовлетворительно. Удовлетворительно поставлено и дело воспитания: дети производят своим поведением и внешностью доброе



впечатление. Где школы находятся около приходских храмов, церковные службы по праздникам и воскресным дням учащими и учащимися посещаются неопустительно, а равно те и другие исполняют долг исповеди и Святого Причащения. Где же школы далеко от приходского храма (например, Кочергинская), там учащие собирают детей в школу и ведут религиозные беседы. Но это дело бесед и чтений недостаточно организовано и не ведется систематически. Мною на это было обращено внимание учащих и отцов заведующих и предложено обязательно ввести при школах религиозно-нравственные и литературные чтения и, где возможно, иллюстрировать эти чтения картинами волшебного фонаря. Школа, неся свет в среду подрастающего поколения, почти не касается народной взрослой массы, но через чтения религиозные, литературные и по сельскому хозяйству она могла бы свет и знания вносить и в темную крестьянскую семью, привлекая взрослых на эти чтения, давая им на дом читать полезные книжки



*Епископ Евгений с жителями
у церковно-приходской школы в селе Кочергинском*



из школьной библиотеки и поддерживая таким образом живую связь со школьниками, оставившими уже школу, а через них и с семьями, проводя туда все доброе и полезное. Но надо сознаться, что пока школа далека от народа. Да и народ не умеет ценить пользы просвещения и зачастую отрывает ребенка от школы для своих домашних работ. Радует, однако, то, что в школах учится много девочек. Это будущие матери-христианки, ибо церковная школа стремится [научать] своих питомиц в духе православной веры и Церкви.

Кроме церковных, посещено мною семь училищ министерских. Общее впечатление от посещения такое, что в большинстве школ Закону Божию уделяется очень мало внимания: отдел религиозно-нравственный в школьных библиотеках крайне ничтожный — житий святых, даже сокращенных, в изложении Бахметевой*, нет. Учителя преподают Закон Божий без всякого руководства со стороны священников, и преподавание сводится в лучших случаях к заучиванию учебника, а то наблюдается и полное отсутствие всяких знаний.

Итак, положительное влияние пастырей и школы на народ нельзя признать на Илимке достаточным и сильным, особенно если иметь в виду, что параллельно ему идет другое влияние — отрицательное, распространяемое уголовными преступниками и политическими ссыльными.

Вообще жизнь на Илимском крае тяжела. И священнику приходится терпеть много лишений, так что подвиг пастырский — там подвиг особенно трудный, сопряженный не только с лишениями культурных удобств,

* Имеется в виду книга в 12 томах: Бахметева А. Н. Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четвйих-Миней. М., 1912.



*Приписной Благовещенский храм
в селе Катском Кеульского прихода*

но с дороговизной жизни и с затруднениями достать предметы первой необходимости.

К этому еще надо прибавить, что дело медицинской помощи поставлено весьма слабо. Врача на Илимке в мой приезд не было, и нет его давно, фельдшерский персонал очень ограничен (на весь Илимский край трое, из них двое появились только за последние годы), аптеки и больницы медикаментами бедны.

Обеспечение духовенства в большинстве скудное, приходские доходы ничтожные, а казенное жалование шестьсот рублей — священнику и двести рублей — псаломщику, конечно, крайне недостаточно. Необходимо ходатайствовать об увеличении жалования священнику хотя до девятисот рублей и псаломщику до четырехсот рублей в год. К чести духовенства Илимского края и приятным долгом считаю еще раз отметить, что оно самоотверженно мирится со всеми лишениями и делает в меру своих



сил и способностей Божие дело, отличаясь доброй нравственностью»⁷³.

«В 5 часов утра 9 июня приплыли в село Нижне-Илимское — столицу Илимского края», — писал сопровождавший епископа священник. — «Село это, красиво расположенное на открытом месте, сравнительно небольшое, за последнее время стало быстро расти переселением в него на жительство крестьян окрестных селений, находящихся здесь более чем где-либо средств к существованию. Нижне-Илимск — центр края во всех отношениях. Здесь сосредоточена администрация, торговля, здесь почтовое отделение, телеграф, здесь же гнездо ссыльного политического элемента, сотнями заполняющего Илимский край. <...>

К 7 часам утра народ в большом количестве собрался на берегу в ожидании владыки. Среди любопытных были видны кое-где и политические ссыльные. Один из них — латыш, по выходе владыки из лодки в храм просил



В Нижне-Илимском



Илимский Спасский храм

разрешения сфотографировать шествие, что владыка разрешил, доставив тем, по-видимому, немалое удовольствие фотографу.

Поместительный трехпрестольный каменный храм был переполнен народом, многие, не успев попасть в храм, принуждены были стоять в ограде; всего собравшихся насчитывалось человек более шестисот. <...> При очень торжественной обстановке совершена была Божественная литургия с похвалой Богоматери. Перед похвалою владыка сказал сильное, вдохновенное слово о любви Бога паче мира — против социальных утопий проповедников земного счастья. При совершении литургии присутствовало несколько человек политических. <...>

Владыка посетил священника, псаломщика, местное городское и приходское министерские училища, раздав ученикам кресты и Евангелия, волостное правление и часовню в честь святого великомученика Георгия в поле за селом. Колокольный звон не умолкал в течение всего дня; народ, празднично настроенный, толпился по улицам; владыку сопровождала большая толпа народа. Политическим не хотелось участвовать в общем торжестве



сельчан-нижнеилимцев, и они — „просветители“ народа в другое время — теперь чувствовали себя как-то униженно и, прячась по переулкам, невольно должны были чувствовать свое бессилие пред тем светом Божественной истины, какой нес с собой святитель Христов. Когда владыка был в приемном покое, навещая больных, здесь он встретил доживавшего последние дни туберкулезного политического. Видя страдания больного, владыка думал его утешить и успокоить, но должен был отказаться от этой мысли, ибо тот, и, умирая, дышал злобой, и глаза его горели каким-то особенным недовольством и ненавистью. Местное население, кажется, начинает понимать задачи этих просветителей и радетелей народных, особенно те из аборигенов, которые горьким опытом познали „благодетельные“ последствия общения с политическими. Сколько разорено хороших семей, сколько увлечено и брошено доверчивых девушек, сколько слышится сетований и слез со стороны, нередко весьма почтенных родителей, дети которых, оставив отчий дом, бежали с политическими»⁷⁴.

Обратив особое внимание во время путешествия на политических ссыльных, которые стали составлять в Сибири уже значительную часть населения, оказывая отрицательное влияние на крестьян, епископ Евгений писал, что политические — «это в большинстве люди ни во что не верующие, бессмысленно стремящиеся к животному царству сытости и с этой точки зрения устраивающие свою жизнь. К труду простому и черному они себя не приучили, а интеллигентного труда для них на Илеме нет, и вот они, субсидируемые „товарищами“, поселяются среди мирных крестьян и расклеивают их семейное и общественное счастье. Проповедуя, что Бога нет и надо жить в плоть, они тлетворно влияют на простой народ, который не может разобраться в их бреднях, часто с внешней



стороны приправляемых красивыми фразами о любви, равенстве и братстве. О противодействии им со стороны пастырей, удаленных от селений на сотни верст, говорить, конечно, не приходится. Да, нельзя не скорбеть, что коренной житель девственного Илимского края — этот простой, детски верующий и добрый народ, преимущественно охотник за пушным зверем, рыбовод и земледелец, это дитя природы — отдан, как бы в насмешку, на обучение ссыльно-поселенцам, которые инструктируют его в известном направлении. Правда, их пропаганда среди возмужалых вперед подвигается еще туго, но поколение молодое заметно ей поддается, и вот расшатывается мирная жизнь, сеется вражда и недовольство. К исконному русскому греху и пороку — пьянству — прибавляется целый ряд других пороков, включительно до религиозного отрицания. Надо бросить вкрапливать в здоровый народный организм бактерии социальной заразы. Выселением вредных элементов создается мир центра, но зато насаждается крамола на перифериях и медленно, но верно, подготавливается революция на окраинах»⁷⁵.

«В Невоне владыку усиленно просили отслужить молебен в поле по случаю продолжительной засухи. Утро стояло знойное. Мошки и комаров было так много, что показаться на воздух без сетки было нельзя. Видя настойчивые просьбы сельчан, с верою в то, что молитва сильна преложить гнев Божий на милость, владыка не отказал исполнить их желание. Облачившись около полевого креста, сеткою закрывши лицо и руки, владыка совершил молебен святителю Иннокентию. Молящиеся усердно и горячо молились... и, к радости их, вскоре пошел дождь. <...> Население производит впечатление хорошее: несмотря на постоянный натиск политических, оно хранит свою патриархальность, к духовенству относится с уважением,



Приписной Иннокентиевский храм в селе Невоне

к Церкви Божией прилежит. При добрых отношениях пастыря с прихожанами можно здесь для прихода делать очень много. И народ здесь очень нуждается в помощи и руководстве, он по своей простоте и робости часто не знает, что и как ему предпринять в тех или иных затруднительных обстоятельствах жизни. В Невоне, например, А-н рассказал, что два года тому назад в Воробьево зарезали крестьянина Ступина; осталась жена и четверо детей. Он желал бы жениться на вдове и взять ее детей, фактически она уже и живет с ним, но повенчаться при самом искреннем желании не могут: по сие время зарезанный муж не отпет. Судебный следователь не кончает дело, волостное правление не дает разрешения на отпетие, и мужичок, не решаясь побеспокоить „начальство“, ждет, когда дело само придет к концу»⁷⁶.

«В час дня — деревня Верхне-Марковская. В часовне совершен молебен перед образом Скорбящей Божией Матери и сказано владыкой краткое слово о молитве нашей к Богоматери. Молящихся собралось около ста человек. Деревня в шестьдесят пять дворов; в недалеком



будущем, можно надеяться, здесь будет молитвенный дом с алтарем. Усердие и желание со стороны насельников к этому есть.

Через три версты — приходское село Марково <...>. Берег села был положительно переполнен народом, когда мы подплывали. Казалось, насельники всех пятнадцати деревень прихода побросали свои дела и собрались здесь взглянуть на своего редкостного гостя — архипастыря. Прихожан до четырех тысяч; все они государственные крестьяне, и все чужды каких-либо сектантских или раскольнических заблуждений; это последнее качество относится почти ко всем приленским приходам. О, если бы то же самое можно было сказать и о всей святой Руси!

Храм, во имя Живоначальной Троицы, красиво стоит на берегу Лены. Священником служит отец Алексей Стуков. <...> После встречи владыки в храме и благословения им народа в 5 часов началось всенощное бдение. Владыка выходил на полиелей. Молящихся полон храм.



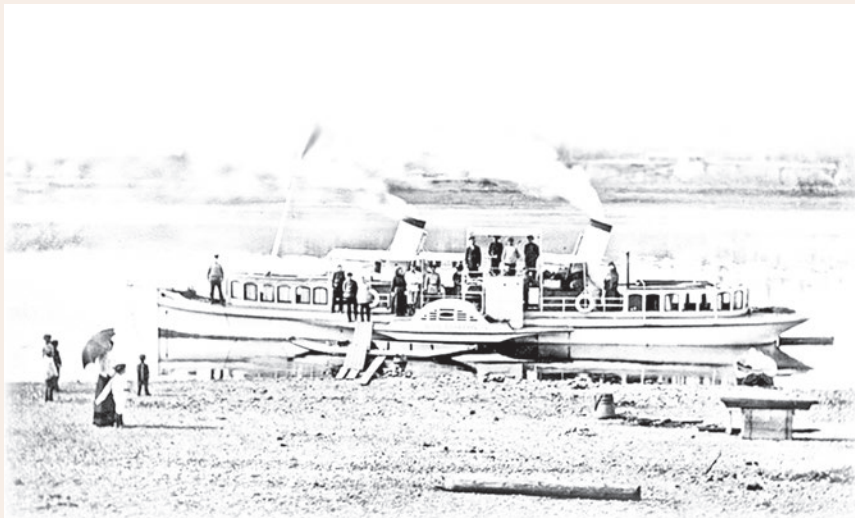
*Троицкий храм в селе Марково,
слева — молитвенный дом*



23 июня в марковском храме — Божественная литургия. По благословению народа [владыка] проследовал в местное 2-х классное министерское училище. Здание светлое, просторное. Когда мы были в Марково, прибыл небольшой пароходец „Карл Винберг“, любезно предоставленный Ленским золотопромышленным товариществом в полное распоряжение владыки, по ходатайству его добрых знакомых. На пароходе всего одна двухместная каюта; в ней поместился владыка с сопровождавшим его священником, свита расположилась наверху, прикрывшись брезентами. Удобств особенных нет, зато предстояла значительная экономия времени»⁷⁷.



*Священник марковской Троицкой церкви
Алексий Стуков с семьей*



Пароход «Карл Винберг»

Главным уездным городом и столицей викариатства был город Киренск. Он состоял в то время из ста восьмидесяти пяти домов с населением в тысячу четыреста человек. В городе был выстроен большой каменный собор, в котором служили три священника. К собору было приписано двадцать деревень, разбросанных на расстоянии триста верст, с населением в пять тысяч человек, то есть превышавшим население города, что не только не позволяло организовать и упорядочить жизнь прихода в Киренске, но и совершать ежедневное богослужение в городском



Епископ Евгений в каюте парохода «Карл Винберг»



соборе, так как священники вынуждены были в течение продолжительного периода времени посещать находящиеся на большом расстоянии друг от друга деревни. Между тем в самом городе социальные условия жизни были далеко не благополучны. Было много бедных, что использовалось как весомый аргумент в социалистической пропаганде политическими ссыльными, во множестве наполнявшими город; было распространено пьянство; из всех зданий самым величественным зданием в городе, к общему стыду, как писал епископ, было здание «винной монополии».

В Киренске состоялся съезд духовенства благочиния 1-го округа, приуроченный к приезду епископа Евгения. На съезде одним из главных вопросов стал вопрос о возрождении религиозно-нравственной жизни прихода, причем духовенство единодушно, как на зловещее знамение времени, указывало на упадок веры, утрату интереса к богослужению; по его данным, только треть всех наличных прихожан приступала к причащению Святых Христовых Таин хотя бы раз в год. Взрослое население все реже посещало храмы, особенно мужчины, все больше распространялось пьянство и становилась обыденным явлением безудержная гульба на вечеринках. Поведав о проблемах приходской и религиозной жизни народа, участники съезда ждали совета епископа.

«Если духовенство», — сказал он, — «искренно опечалено уклонением прихожан от таинства Исповеди и Причащения, то пастырям чаще и убедительнее надо проповедовать, что таинство Причащения есть залог нашего духовно-нравственного возрождения и спасения, что оно духовно укрепляет и питает человека-христианина и уклонение от него ведет к духовной смерти (Ин. 6, 53–57). С проповедью об этом пастырь должен обращаться всегда,



Город Киренск

когда к тому представляется случай, особенно же в большие праздники, предшествующие постам, при обходе домов прихожан со святыней, при служении полевых молебнов, когда бывает особенно много молящихся. Непременно требовать от вступающих в брак, если они ранее не говели, исполнения ими исповеди и Святого Причащения перед браком, причем в этих случаях жениху и невесте должен назначаться, по крайней мере, трехдневный пост.

Брак даст возможность много и подробно говорить священнику с брачующимися, и, пользуясь этим, священник должен научить брачную чету основным истинам веры Христовой, если таковых они еще не знают. Также необходимо после совершения таинства Брака пастырю обращаться к брачующимся со словом назидания и выяснять все величие и значение этого таинства, а равно убеждать воздерживаться от пьянства и разгула, которыми обычно в деревне сопровождаются браки. В целях поднятия религиозно-нравственной жизни прихода необходимо развить



пастырям учительство в смысле непрерывного проповедания слова Божия. В частности, вести обязательно катехизические беседы, чтобы научить пасомых основным истинам веры, вести, указывая великое руководящее значение истин, исповедуемых нами в Символе веры, для жизни и деятельности истинно-христианской. Необходима проповедь, как беседа с народом по вопросам церковного обряда и дисциплины, ибо часто наблюдается, что в церкви стоят благоговейно, не умеют не только подойти под благословение, но иногда и положить, как должно, крестного знамения.

Помощницей пастырю в его религиозно-нравственной просветительной деятельности, естественно, должна быть начальная школа. И вот, в школе церковной, а равно и министерской, пастырь одинаково должен быть духовным воспитателем подрастающего поколения в области истин религиозно-нравственных. С этой целью материал, подлежащий изучению в школе, он должен предлагать детскому сознанию в разработке жизненной, а не теоретически отвлеченной, ничего не говорящей сердцу ребенка. Предполагаемые изучению нравственные истины вполне



Киренск. Спасский собор



Киренская второклассная школа

возможно и должно пояснять и подтверждать примерами истории ветхо- и новозаветной, а равно и житиями святых. Необходимо, например, выяснить ребенку, что имя, которое он носит, должно обращать его мысль и сердце к известному святому, жизнь которого должна для него, после жизни Христа, быть примером подражания. Знание дня памяти святого, его жития, тропаря и кондака безусловно необходимо для каждого христианина. Пастырское влияние священника должно выражаться в духовном руководительстве не только питомцев школы, но и учащихся в ней. Ввиду того, что преподавание Закона Божия в министерской школе не изъято из ведения и руководства Церкви, долг каждого пастыря не только за страх, но и за совесть, бдительно наблюдать — как это преподавание ведется в школе, так как учащие весьма нередко недостаточно ясно сами представляют себе основные истины веры Христовой. Священник — законоучитель в министерской школе — должен являться таким же пастырем — руководителем вверенного ему стада Христова, как и в школе церковной, а не считать себя благородным свидетелем той



безрелигиозности, которой научаются дети безрелигиозными учителями.

Посещение храма Божия должно быть одинаково обязательно как для детей, учащих в церковной школе, так и в министерской, ибо преподавание атеизма пока еще не введено как предмет обязательный в программу школ министерских. Учащие в школах министерских должны неукоснительно быть примером религиозно-нравственной жизни для учащих и вместе с ними посещать церковь и приступать к ее таинствам — Исповеди и Причащению.

Является неоспоримым фактом, что для поднятия религиозно-нравственной жизни и пастырской деятельности в приходе необходимо также и самим пастырям озаботиться о своем религиозно-нравственном развитии, а равно и пополнении своих, часто весьма скудных, богословских знаний. Священник сам должен духовно созидаться. А для этого он должен неопустительно и ежедневно читать святое Евангелие, Послания апостольские, Псалтырь, святоотеческую литературу, жития дневных святых. Это не только будет духовно питать душу, но с постепенностью даст священнику богатый запас богословских знаний. Знание слова Божия и житий святых даст ему возможность делать прихожанам соответствующие наставления и указания от Писания. Где отсутствует святоотеческая литература, необходимо ее выписать в церковные библиотеки. Творения Иоанна Златоустого, Василия Великого и Григория Богослова, внимательно прочитанные, будут лучшей богословской школой для пастыря. Ни в одной из церквей среди книг осмотренных мною библиотек я не нашел „Добротолюбия“, — между тем книга эта была бы весьма полезна как воспитывающая для самих пастырей, дающая возможность хорошо познакомиться по изложенным в ней аскетическим творениям



с психологией добродетели и греха и средствами борьбы с грехами, а также и указаниями аскетического опыта — как назидать в себе добродетель. Если указанный богословский материал будет, как должно, усвоен пастырем, то он вполне сможет говорить и учить народ с церковной кафедры истинам веры.

Общая болезнь приходской жизни — пьянство. Чтобы борьба с ним была продуктивной, пастырь должен показать пример абсолютной трезвости и вина не пить, приглашая к сему и прихожан. Таким образом, под председательством пастыря, для оздоровления прихода создается общество трезвости, которое будет иметь целью — под покровом Церкви вести просветительную работу в приходе. Это общество должно вести религиозно-нравственные чтения, устраивать паломничества, распространять религиозно-нравственную литературу и брошюры о вреде вина и борьбе с пьянством.

Наконец, — сказал владыка, — необходима организация и развитие при приходских храмах благотворительности. Всякому из вас, отцы, хорошо известно — сколь важное значение имеют как для каждого христианина, так и для каждой церковной общины дела благотворения, как осуществление главнейшей заповеди Христовой о любви, а потому останавливаться на этом особо не буду. Буду счастлив, если мои и немногие советы, высказанные здесь, примете к сведению и руководству в своей пастырской церковно-приходской и школьной работе»⁷⁸.

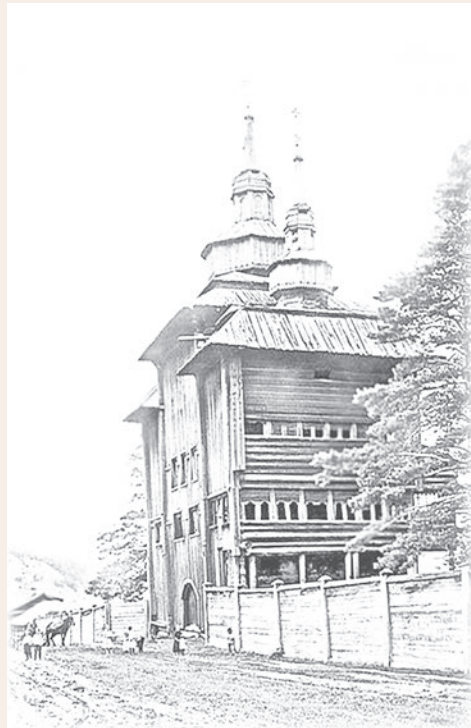
«После заседания съезда владыка отбыл в Киренский монастырь. Киренский монастырь расположен на северной стороне города, при устье реки Киренги; основан в 1663 году. Вид от монастыря на Лену угрюм, но величав: скалы левого противоположного берега могли бы с честью занять место хоть у берегов океана. <...> В монастыре три



церкви — каменная (собор Свято-Троицкий, заложенный в 1784 году) и две деревянных — одна Алексиевская, недавнего построения, другая — очень древняя. Последняя, построенная над святыми воротами, заслуживает особенного внимания. Размер ее, для деревянного здания, огромный. На ней было девять глав; каждая имеет основанием отдельную пирамидальную башенку. А окна и балконы тянутся в несколько рядов, с прихотливыми уступами и резными фигурами. Жаль, что храму недолго остается украшать Киренскую обитель: время наложило на него свою тяжелую руку и разрушает часть за частью, скоро здание может рухнуть. Посетители осматривают его не без страха.

Двор монастыря довольно обширный, приосеняется вековыми соснами и лиственницами, какими ранее покрыты были и окрестности. Приосененные деревьями церкви, скромные келии, виднеющиеся на могилах кресты, окружающие скалы и шумящие у подножия их воды — производят на душу, особенно при лунной ночи, необъяснимое впечатление»⁷⁹.

«Храмы посещенных приходов 1-го Киренского благочиния значительно обширнее и богаче илимских, что ясно свидетельствует о большей зажиточности населения берегов реки



*Древний храм
в Киренском монастыре*



Лены, этой жизненной артерии Киренского края, по которой беспрерывно движутся баржи и пароходы и тянутся лодки, держа свой путь в русскую Калифорнию — Бодайбо. Содержатся храмы (в общем) весьма опрятно. Церковною утварью и облачениями снабжены вполне достаточно. Имеются при храмах библиотеки, но книгами, как и на Илимe, бедны, и подбор книг в них совершенно случайный. При многих церквях нет собрания проповедей таких церковных витий, как митрополит Филарет, архиепископы Иннокентий и Димитрий Херсонские, протоиереи Путятин, Нордов, отец Иоанн Кронштадтский. Нет ни церковно-исторических, ни догматических сочинений митрополита Московского Макария. Имеются при храмах приходские попечительства, но, собственно, они пока являются (повсюду в Киренском уезде) какими-то мертворожденными учреждениями, и средства их и деятельность крайне незначительны. Сочувствием прихожан они совершенно не пользуются, ибо обслуживают нужды церкви и причта (ремонт церковных зданий), а не бедноты прихода. Но вопрос о приходской благотворительности — вопрос насущный, и необходимо заняться его серьезной разработкой <...>.

Религиозно-нравственного состояния приходов благочиния нельзя признать высоким. Особенно в этом отношении разнузданностью отличаются приходы Подкаменский и Усть-Кутский; в последнем обычно много оседает отбросов из рабочих артелей, проходящих на Бодайбо и обратно. Эти партии рабочих, вместе со ссыльными, уголовными и политическими, сильно деморализуют жизнь местного населения.

Основным и коренным недугом приходской жизни является пьянство, с соединенными с ним грехами — развратом и разбоем, а также холодностью к церкви. Мужички, например, в Усть-Куте, очень мало посещают храм



и в часы службы проводят время на берегу Лены или около своих домов. Церковь в воскресные и праздничные дни посещается почти исключительно женщинами. Жизнь нравственно-религиозная в ленских приходах, видимо, давно замерла. <...>

Вообще надо сказать, что жизнь народа на Лене стала далеко не церковной и идет совершенно самостоятельно. Паства и пастыри постепенно удаляются друг от друга и, пожалуй, те и другие тяготятся друг другом и входят в общение лишь одни — по долгу службы, другие — по религиозной привычке, нажитой веками. Духовной же, внутренней, отечески сыновней связи незаметно. И если так пойдет дальше, то народ постепенно отвыкнет от пастырей и отойдет от церкви и, конечно, без Бога погибнет, да уже и гибнет — спивается»⁸⁰.

Желая побывать на родине святителя Иннокентия (Вениаминова), епископ Евгений посетил село Анга, хотя оно и находилось в стороне от основной дороги. «Храм в Анге каменный, уже древний (1804 года), требует замены новым. <...> В Анге — родина маститого архипастыря Церкви Русской — митрополита Московского Иннокентия. По сие время сохранился около храма дом, в котором он родился и провел детские годы. Дом — простая крестьянская изба, посредине битая русская печь, гобец, оконцы старинные, маленькие.

Когда митрополит проезжал из Якутска на кафедру Московскую, побыл и на родине; в храм пожертвовал хорошее Евангелие с собственноручной надписью, расписавшись, говорят, впервые: „Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский“, затем посетил и свою хижину. Она в то время была уже в чужих руках, видимо, дальних родственников. Митрополит просил их продать дом ему, чтобы долее сохранить его, но они отказались. Тогда



Дом в селе Анга, где родился святитель Иннокентий

он просил их насколько возможно сохранить дом в его первоначальном виде. Увидав в стене деревянную спицу, он сказал, что на эту спицу он всегда вешал свои чирочки* с красными опушнями, подаренные ему крестным. <...>

Иркутский Миссионерский Комитет исходатайствовал на ремонт дома 1500 руб. По реставрации самого дома предложено устроить при нем аудиторию для воскресных чтений и религиозно-нравственных беседований. <...> Владыка [Евгений] сделал точные указания — как должен быть реставрирован этот исторический памятник великого просветителя инородцев — Аляски, Якутска и Благовещенска»⁸¹.

Во время этой поездки епископ Евгений проехал пять тысяч двести двадцать одну версту, посетил восемьдесят шесть селений, тридцать шесть приходских и тридцать семь приписных храмов, семь часовен, тридцать четыре церковных и четырнадцать министерских школ.

* Башмачки.



Епископу Арсению он по окончании путешествия писал: «Посетил далекий Илимский край и Киренский уезд до пределов Якутской епархии. Сделал до пяти тысяч верст, из них полторы тысячи верст в лодке. Обозрел все приходы Киренского уезда, не мог пробраться только на Тунгуску, ввиду мелководья этой реки в июле. Всюду служил, говорил поучения, раздавал крестики, образки, Евангелия, духовную литературу. Народ, видимо, посещением остался доволен. Встречал в некоторых местах с детской любовью и умилением. Архиерей в этих краях не был десять лет, а в некоторых селениях епископы не бывали никогда.

По приезде пришлось долго отдыхать, так как путешествие было довольно трудное и продолжительное. Итак, пока жив, духовно мирен, хотя этот мир, должен правду сказать, часто нарушается недоброжелательным отношением ко мне архиепископа. Не по сердцу я ему, и он мне чинит, где может, мелкие и крупные неприятности. Но Бог ему судья, — на то он и архиерей, власть имеющий. <...> Новости Петербурга узнаю из „Колокола“. Прочел речь Алексия Баженова* при наречении во епископа и возмущен его

* Епископ Алексей (в миру Дмитрий Владимирович Баженов; 1872–1938). В 1902 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, пострижен в монашество с именем Алексей и рукоположен во иеромонаха. С 1911 года — ректор Черниговской духовной семинарии, возведен в сан архимандрита. В 1913 году хиротонисан во епископа Николаевского, викария Херсонской и Одесской епархии. В 1921 году временно управляющий Херсонской епархией. В 1922 году арестован ОГПУ. По освобождении перешел к обновленцам и в 1922 году был назначен ими епископом Одесским и Херсонским с возведением в сан архиепископа. Был участником обновленческого Собора 1923 года и подписал постановление о лишении сана Патриарха Тихона. С 1933 года — «митрополит» Симферопольский и Крымский. В 1938 году был арестован и в том же году расстрелян.



самомнением, какой-то странной, если не смешной, кабалистикой и дешевым фразерством о слиянии с душою паствы... Человеку без души невозможно слиться с душою народною, — скорее на репейнике вырастут смоквы, чем Баженов откажется от эгоизма и мещанского карьеризма. Помню я его подлости в академии, знаю его низости на службе в Черниговской семинарии и дивлюсь, как хватает дерзости воображать себя избранником Промысла Божественного и забывать, что есть ведь и попущение Божие. Да, трудно решить, кто вреднее для Церкви — Варнава* или Алексий?!

* Архиепископ Варнава (в миру Василий Александрович Накропин), родился в 1859 году. В 1911 году он был хиротонисан во епископа Каргопольского, викария Олонецкой епархии, с 1916 года — архиепископ. 9 мая 1918 года архиепископ Варнава был арестован и, находясь под следствием, сделал ряд заявлений, которые из пропагандистских целей большевики опубликовали в «Еженедельнике ВЧК». Он на следствии, в частности, сказал: «Советскую власть я признаю выше и лучше всякой другой, какая была до сих пор, и готов за нее умереть. А если Собор или Патриарх задумают отлучить меня от Церкви, я не буду обращать на это внимание, потому что я готов порвать со всеми для простого народа и для советской власти»⁸². «Я жил в Арзамасе и сам был далек от всего, но слышал не раз, что собирают средства в фонд восстановления России или другой фонд подобного названия... К сожалению, я не знаю, кто именно участвовал в белогвардейской организации или в других организациях, идущих против советской власти, но я берусь узнать, если мне дадут возможность вести деятельность на свободе, и все, что я узнаю, сообщу Чрезвычайной комиссии. И не только я один, но и все, кто не пойдет за Собором, а за Церковь, стоящую за большевистскую власть»⁸³. «Со времени октябрьского переворота не только никогда не выступал против советской власти, но по крайнему моему разумению считаю власть эту правильной и народной; еще во времена соглашательского правительства Керенского я неоднократно заявлял, что тов. Ленин является вторым Мессией, выведшим народ ко спасению, советскую власть приветствовал... Когда окрестные крестьяне обращались ко мне по вопросу о вступлении



Его „народолюбец“ отец, мне пишут из Чернигова, промышляя о сыне, очень просил об его епископстве, но все это, конечно, в речи опущено. <...>

На днях от Преосвященного Вятского получил предложение перейти на викариатство к нему — в Сарапул. Много думал об этом, совершенно неожиданное для меня предложение, и решил предоставить владыке Филарету* действовать в деле перемещения меня самостоятельно, независимо от моих желаний и нежеланий. Если Синод переместит, то, конечно, так же с любовью и усердием пойду служить в Сарапул, как шел служить в Иркутск. Жаль, несомненно, будет оставлять Иркутск, которому отдал восемь лучших лет своей жизни, но думаю, что для дела Божия, для пользы его, лучше уйти. Тяжело служить, когда на тебя злобятся без всяких причин к тому»⁸⁷.

в ряды Красной армии — я всегда с открытым сердцем благословлял идущих в ряды армии...»⁸⁴ После подобного рода заявлений он был освобожден и в 1919 году направил Ленину иконку и письмо. Посреднику, который должен был передать письмо, он писал: «Посылаю образок в благословение Владимиру Ильичу и прошу вручить ему и поздравить его с днем Ангела... Попроси прощения у Владимира Ильича за мою смелость беспокоить его, но я за это беспокою и буду беспокоить Господа Бога, да умудрит его во всех делах его на пользу родной нашей Руси»⁸⁵. На самой же иконе он написал: «Рабу Божьему Владимиру Ильичу на день Святого Ангела благословение от грешного архиепископа Варнавы. Июля 15-го 1919 г.»⁸⁶. Архиепископ Варнава скончался в Москве в 1924 году.

* Епископ Филарет (в миру Гавриил Петрович Никольский; 1851–1921). В 1891 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Пострижен в монашество с именем Филарет. В 1898 году хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1904 года — епископ Вятский и Слободской. С 1914 года — епископ Астраханский и Енотаевский. В 1916 году уволен на покой. В 1919 году возведен в сан архиепископа и назначен на Самарскую кафедру.



«ВО ГЛАВЕ ВЛАСТИ СТАЛИ КАТОРЖАНЕ»

4-5 июля 1914 года Святейший Синод назначил епископа Евгения на самостоятельную кафедру — епископом Приамурским и Благовещенским⁸⁸. 13 августа в зале Иркутской духовной семинарии состоялось его прощание с паствой; при прощании всеми были отмечены его заслуги в миссионерской деятельности. Давно уже никто из архиереев, говорили присутствующие, не отправлялся с проповедью в глухие места епархии, какие посетил епископ Евгений и какие, кроме гражданского начальства и полицейских чинов, редко кто посещал из посторонних. С грустью расставались с ним учредительницы бесплатной детской столовой имени архиепископа Тихона, для которых он был щедрым благотворителем и попечителем.

Проводить епископа Евгения на вокзал пришли начальники края, вице-губернатор, епископ Киренский Зосима (Сидоровский)*, офицеры местного гарнизона

* Епископ Зосима (в миру Александр Александрович Сидоровский), родился в 1876 году. В 1902 году окончил Казанскую духовную академию. В 1914 году хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1918 года — епископ Иркутский и Верхоленский. В апреле 1920 года был арестован. В тюрьме он написал письмо с покаянием в принадлежности к Православной Церкви и снял с себя сан. В июне 1920 года он был освобожден и 20 октября назначен заведующим ликвидационным отделом, став, как писали о нем представители власти, «незаменимым работником по проведению декрета об отделении



и духовенство города. Утром 16 августа епископ Евгений отбыл из Иркутска. 18 сентября он прибыл в Благовещенск. Предполагалось, что по прибытии епископ сразу же направится в собор, где его будет ждать духовенство и где он отслужит молебен. Но поезд опоздал на несколько часов, было уже около часу ночи, когда он прибыл в город. Один из встречавших предложил ввиду позднего часа отложить встречу на завтра, опасаясь, что в столь поздний час будет очень мало желающих встретить новоприбывшего архипастыря. Епископ отклонил это предложение, сказав: «Ну, уж сколько будет, кто-нибудь да встретит».

«Дело епархиальное для меня новое и трудное, и вот я ушел в работу», — писал епископ Евгений из Благовещенска архиепископу Арсению, — «и время у меня пока все не хватает для своей личной жизни. Нынешнее лето я почти все употребил на поездку по епархии, которая почти вдвое больше Франции. И на таком пространстве всего сто пятьдесят три прихода, — с января 1916 года будет открыто десять новых. Зимой мне ездить очень тяжело, ибо я болею горлом, но первый год все же счел нужным ехать, чтобы скорее познакомиться с состоянием епархии. Вернулся только на днях. Теперь я объехал две трети епархии, в мае думаю закончить свой объезд. Нужд много, но сразу все не сделаешь. Буду терпеливо работать в меру сил и разумения, сколько Бог грехам терпит»⁸⁹.

Церкви от государства». В том же году он женился на сотруднице ликвидационного отдела. Священным Синодом лишен сана. В 1922 году — назначен обновленцами епископом Енисейским и Красноярским. В 1923 году принес покаяние Патриарху Тихону, но дело было отложено до рассмотрения духовника. В 1923 году обновленцами запрещен в священнослужении. В 1925 году обновленческий Синод восстановил его в епископском сане, с 1926 года — «епископ» Фрунзенский.



Епископ Благовещенский Евгений



С началом Первой мировой войны условия жизни народа, и в особенности, крестьян, значительно ухудшились, так как многие семьи лишились своих кормильцев — отцов и мужей. «Объехал я теперь почти всю епархию», — писал он архиепископу Арсению, — «что особенно поражает, так это отсутствие мужского населения по селам: остались старики, ребята да женщины; однако уныния нет, и все терпеливо несут крест скорбей и лишений. Большинство насельников моей епархии люди бедные — переселенцы, но усердно жертвуют от своей скудости на нужды войны: со ста пятидесяти шести приходов собрано в 1915 году свыше восьмидесяти тысяч.

Богачи у нас сектанты — молокане и баптисты, но те не дают ни гроша или же дают такие ничтожные подачки, которые равны грошу при их капиталах. Наверно, теперь поймут, кому надо понять было давно, что не следовало нянчиться с сектантами... Безусловно вредны не только для Церкви, но и для государства»⁹⁰.

Однако всякому делу, которое не имеет в себе органического, естественного развития, попущением Божиим когда-нибудь да приходит конец; сбившееся с пути государство, лишённое внутреннего смысла своего существования, не находя в себе ни энергии, ни сил, ни разума вступить на свою собственную дорогу развития, начало в муках умирать. Кончалась зима 1917 года, а с ней кончался и абсолютистский период истории государства Российского, когда государственная власть могла безответственно и безответно делать что вздумается; начался мучительный период его разрушения, растянувшийся более чем на столетие. «У нас в Благовещенске „революция“ прошла довольно мирно», — писал епископ Евгений митрополиту Арсению. — «Власть в свои руки забрали солдаты и рабочие и диктуют теперь свою самодержавную



Город Благовещенск

волю народную... Что будет дальше с Россией — вот вопрос, который неотступно волнует душу. <...> Всем теперь тяжело жить, и потому не буду писать о своих личных скорбях, которые ничтожны в сравнении с общим горем. С 27 февраля по 2 марта у нас была ужасная бойня, в борьбе за власть большевики избивали так называемых буржуев. Убито очень много — свыше пятисот человек, раненых более тысячи. Я обращался с призывом мира, но что, собственно, все эти воззвания к озверевшей толпе?! Во главе власти стали каторжане и царствуют.

Боясь насилий, очень многие из города бежали на китайскую сторону — в Сахалин, бежали люди состоятельные и чиновники. Что они будут там делать дальше — не знаю, но жить им там, при скученности китайского населения, нелегко. Сахалин отделяется от Благовещенска рекой Амуром, это маленький грязный китайский городишко.

В Благовещенске все грабится и конфискуется. Даже мое бедное жилище намерены отобрать <...>. Я, конечно,



совершенно спокоен, — ведь теперь дело идет к лету, а потому можно жить и под открытым небом»⁹¹.

С захватом в 1918 году в Благовещенске власти большевиками, жизнь в городе стала меняться коренным образом. В проекте доклада Патриарху Тихону о происходящих в городе событиях епископ Евгений писал: «Вместе с захватом власти большевиками открылись и все отрицательные стороны их засилия, — <...> озлобление одной части населения против другой, кровавые столкновения, экспроприации, грабежи, разбои, убийства. <...> Вследствие тревожного настроения в городе и опасности хождения по улицам, по причине производившейся в разных местах города стрельбы, воспитанники семинарии и училища были освобождены от уроков еще 22 февраля, как это было сделано и в других учебных заведениях. Дни 23-го и 24 февраля были еще тревожнее и опаснее, так как в это время происходили уже открытые вооруженные столкновения большевиков-красногвардейцев



Благовещенск. Февраль 1917 года



с защитниками прежней власти и порядка — белогвардейцами. 25-го и 26 февраля было сравнительное затишье, весьма, впрочем, зловещее, так как известно было, что к большевикам-красногвардейцам прибывают сильные подкрепления людьми и оружием из Владивостока и Хабаровска; на стороне Красной армии была также и вся рабоче-заводская часть населения Благовещенска, давно уже мечтавшая о погромах и наживе.

27 февраля / 12 марта красногвардейцы с раннего утра повели наступление на северо-восточную часть города, где находится семинария с училищем <...>, нападающие, ворвавшись в помещение семинарии с разных сторон и разбившись на партии, стали производить обыски и аресты, ища, как они заявляли, складов ружей и пулеметов и предполагая скрытую засаду. <...>

Арестованы были все мужчины, жившие в семинарии, кроме служителей, ректора и духовника семинарии. Обыски сопровождалась реквизицией денег и прочего имущества; в запертые помещения революционеры врывались силой, как например в церковь, физический кабинет, библиотеку, кладовые и т. д. <...> Дня через два после этого один из караульных солдат штыком сорвал со стены икону Господа Саваофа и расщепал ее на мелкие части. <...> Всего в семинарии арестовано было десять лиц: инспектор семинарии, пять преподавателей, эконоом семинарии, два сына ректора, ученик гимназии и случившийся здесь инспектор третьего высшего начального училища; ректор оставлен был в своей квартире под домашним арестом. Сначала арестованные отведены были в казармы Амурской флотилии, но на другой день вместе со многими другими арестованными приведены были в здание семинарии. Обращение с арестованными было грубое и жестокое, сопровождавшееся издевательствами и побоями. <...> Много людей



пострадало и погибло в этот злосчастный день города Благовещенска, особенно много жертв было со стороны так называемой интеллигенции и учащейся молодежи; что касается представителей буржуазии и общественных деятелей, то все они почти заблаговременно скрылись на китайскую территорию. <...> 8/21 марта все здания семинарии со всеми надворными постройками были заняты революционной армией. <...> Пребывание красноармейцев в здании семинарии продолжалось до 12/25 июня сего года и сопровождалось порчей, разрушением и расхищением ее разнообразного имущества. <...> Классные занятия, прерванные в семинарии и училище 22 февраля, не могли уже возобновиться в обычном своем порядке, с одной стороны, потому что семинария с 27 февраля была занята частями Красной армии, с другой, потому что после разгрома семинарии большая часть воспитанников семинарии и двух старших классов духовного училища частью эмигрировали на китайскую сторону, ввиду подозрений и преследований со стороны советской власти против всей вообще учащейся молодежи (как „контрреволюционной“), частью разъехались по домам. <...>

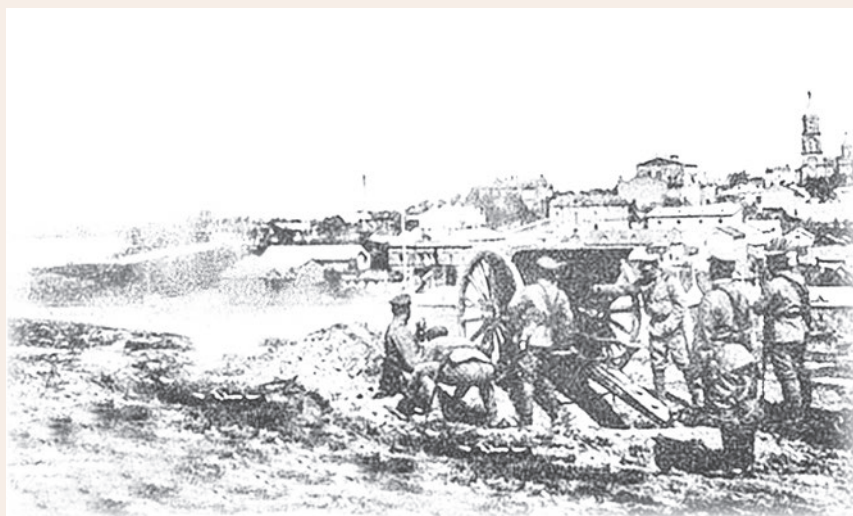


Благовещенская духовная семинария



Ввиду добровольного ухода преподавателей семинарии и училища на службу в Комиссариат просвещения, правление семинарии, оставшееся теперь только в составе трех лиц (ректора семинарии и двух членов от духовенства), предложило от 17/30 июля всем означенным преподавателям-перебежчикам подать официальные заявления об оставлении ими службы в семинарии и училище; но никто из них на это предложение не дал ответа (вероятно, в расчете, в случае перемены политических обстоятельств, остаться на прежней духовно-учебной службе); тогда резолюцией моей от 5/18 августа все вышепоименованные лица, за переходом их на службу в Комиссариат просвещения, отчислены были от службы в семинарии и духовном училище. <...>

После отобрания у правления семинарии зданий и всего имущества, выселился из стен ее на частную квартиру и ректор семинарии, протоиерей А. Миролюбов, давно уже понуждаемый к этому то революционной военной властью, то Комиссариатом просвещения, то школьным коллективом новооткрытой мирской гимназии. Ввиду



Гражданская война



всех сих совершившихся событий, правление семинарии, через консисторию и благочинных епархии, оповестило все причты и приходы епархии о печальной участи, постигшей семинарию и о невозможности открыться в ней учебным занятиям в 1918–1919 учебных годах»⁹².

Большевики под напором Белой армии отступили, и власть в Сибири и на Дальнем Востоке перешла к адмиралу А. В. Колчаку — верховному главнокомандующему. 13 июня 1919 года помощник начальника штаба главнокомандующего, генерал Петр Бурлин, направил председателю Высшего Временного Церковного Управления архиепископу Омскому Сильвестру (Ольшевскому)* предложения по активизации деятельности духовенства и мирян, призывая их к тому, чтобы они более активно раскрывали

* Священноисповедник Сильвестр, архиепископ Омский и Павлодарский (в миру Иустин Львович Ольшевский), родился в 1860 году в селе Косовка Киевской губернии в семье диакона. В 1887 году он окончил Киевскую духовную академию, затем в течение нескольких лет занимался преподавательской и миссионерской противосектантской деятельностью в Полтавской епархии. В 1892 году был рукоположен во священника к кафедральному Успенскому собору в городе Полтаве. В 1910 году он был пострижен в монашество с именем Сильвестр, а в 1911-м — хиротонисан во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии. В 1914 году он был назначен епископом Челябинским, викарием Оренбургской епархии, в 1915-м — епископом Омским и Павлодарским. В феврале 1918 года епископ Сильвестр организовал общегородской крестный ход, после чего был арестован большевиками, но под давлением населения освобожден под подписку о невыезде. В том же году он был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа. В 1919 году архиепископ Сильвестр привел к присяге адмирала А. В. Колчака как Верховного правителя России. После прихода большевиков в Омск, архиепископ Сильвестр вследствие перенесенных испытаний тяжело заболел и 10 марта 1920 года скончался; он был погребен в склепе кафедрального собора. 16 июля 2005 года были обретены его мощи.



перед населением внутреннее существо большевизма. Он писал: «Среди наших молитвенников найдутся, без сомнения, полные горячей любви к Родине люди, которые вспомнят заветы наших предков и пойдут в народ, неся с собой оздоравливающее, пылкое, увлекающее слово. Пусть такие люди под видом странников, нищих, бродячих продавцов книг, дешевых, нетребовательных и трудолюбивых сельскохозяйственных рабочих проникают в деревню, в темную, обманутую и развращенную большевиками народную толпу, пусть напоминают о великом недавнем прошлом нашего народа, будят любовь к России, убеждают в необходимости помочь правительству в этот последний опасный час, когда решается судьба великодержавного народа, решается почти без его участия; пусть разоблачают они обман большевизма и разъясняют направленную на благо народное работу правительства...»⁹³

24 июня 1919 года Высшее Временное Церковное Управление, заслушав эти предложения, направило циркуляр епископу Приамурскому и Благовещенскому Евгению, в котором было отмечено, что, «признавая в принципе дело организации проповеднических религиозно-патриотических отрядов в целях пробуждения в сельском населении духа гражданственности и патриотизма вполне желательным, полезным и даже необходимым, Высшее Временное Церковное Управление тем не менее полагает, что приходское духовенство могло бы принять участие в работе таких отрядов не иначе, как открыто, не маскируясь для этого в одежде странников, нищих, бродячих продавцов, рабочих и т. д., что совершенно не соответствует достоинству Церкви и характеру пастырского служения»⁹⁴. Церковное управление предложило обсудить на местах вопрос об организации в приходах проповедничества на патриотические темы.



Епископ Евгений направил эти предложения для обсуждения в Епархиальный совет.

После разгрома армии Колчака в Благовещенск вернулись большевики. В это время в Центральной России началось изъятие из храмов церковных ценностей, суды над духовенством, действительная цель которых была в устрашении; большевики сделали попытку захватить высшую церковную власть в Москве, заместив ее послушной ОГПУ группой людей — обновленцами. Патриарх Тихон был арестован и заключен под стражу. 12 мая 1922 года церковная власть была передана митрополиту Ярославскому Агафангелу. 18 июня он выпустил послание, в котором призвал правящих архиереев в условиях отсутствия высшего руководства самостоятельно управлять епархиями. «Сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге», — писал он, — «впредь, до восстановления высшей церковной власти, окончательно вершите дела, по которым испрашивали прежде разрешения Священного Синода»⁹⁵.

Духовенство города Благовещенска приняло решение временно прекратить поминовение имени Патриарха Тихона за богослужением. После освобождения Патриарха из заключения епископ Евгений направил ему телеграмму: «С духовною радостью приветствую возвращение Вашего Святейшества к управлению церковному и молюсь с вверенною мне паствою о Вашем здоровье и благоденствии»⁹⁶.

22 июля 1923 года епископ Евгений направил распоряжение по епархии «о возношении впредь за богослужением имени Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России»⁹⁷. Предполагая, однако, что события могут развернуться самым трагическим образом, 29 июля епископ оставил для Благочиннического совета церковью города Благовещенска официальное письмо, в котором писал:



*Благовещенск.
Троицкая церковь*

«В том случае, если какими-либо исключительными обстоятельствами я буду лишен возможности выполнять свои обязанности по управлению епархией, предлагается временно принять на себя все принадлежащие правящему епископу административные права и обязанности по управлению епархией, впредь до моего возвращения к своим служебным обязанностям или впредь

до возглавления Благовещенской церкви другим епископом, находящимся в единении с Вселенской Церковью и каноническом подчинении законной церковной власти Церкви Российской, Епархиальному совету. Если бы Епархиальный совет, в силу каких-либо обстоятельств, в момент вручения ему настоящего моего распоряжения оказался изменившим своему священному долгу — верности заветам нашей матери Церкви Православной, то пастыри города, верные своему пастырскому долгу и присяге, данной ими перед рукоположением, немедленно вместе с городским Благочинническим советом организуют Пастырский совет, который и принимает на себя всю полноту епархиальной власти»⁹⁸.

7 августа 1923 года Благовещенский епархиальный совет обсудил послание Патриарха Тихона, опубликованное в «Московских известиях» 4 июня, а также телеграмму, направленную на имя председателя совета неким

+ 124 129
Благочинническому совету
церкви в Благочинииске.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
ФСБ РОССИИ

В томъ случавъ, если какими либо исключи-
тельными обстоятельствами я буду лишень воз-
можности выполнять свои обязанности, по управ-
лению епархіей, предлагается временно при-
нять на себя все принадлежащія правящему епи-
скопу административныя права и обязанности
по управленію епархіей, впредь до моего воз-
вращенія къ своимъ служебнымъ обязанностямъ
или впредь до возглавленія Благочинииской
церкви другимъ епископомъ, находящимся въ еди-
неніи съ Вселенскою Церковью и каноническомъ
подчиненіи законной церковной власти Церкви
Россійской, *Саргійскому Совету.*
Смъ въ *Саргійскомъ Со-
вете*, въ силу какихъ нибудь
обстоятельствъ, въ мо-
ментъ врученія ему на со-
мнаніе моего распоряженія
оказавшійся примѣвшею
своему свѣщенному долгу

Распоряжение епископа Евгения
Благочинническому совету



«епископом» Даниилом (Громовенко)*, в которой тот сообщал, что прибывает в город пароходом, от пристани проследует в собор, так что совету следует дать соответствующее распоряжение хору, чтобы тот вместе со всем духовенством принял участие в благодарственном молебне. Обсудив создавшееся положение, Епархиальный совет постановил: «Впредь до созыва канонического Собора Православной Церкви и до сношения со Вселенскими Патриархами, считает новое церковно-обновленческое правление и все его распоряжения по делам веры и чисто церковного управления неканоничными и прямо противоречащими законам Советской Республики, по которым присвоение себе религиозными или церковными организациями административных, судебных или иных правовых функций не допускается.

* «Епископ» Даниил (Даниил Романович Громовенко), родился в 1889 году. В 1905 году окончил Херсонское духовное училище, в 1908 году — три класса Одесской духовной семинарии. В том же году был назначен псаломщиком в храм в селе Михайловка Херсонской и Одесской епархии. В 1915 году рукоположен во священника к Вознесенской церкви села Вознесенского Каинского уезда Томской епархии. В 1923 году перешел в обновленческий раскол и был хиротонисан обновленцами во епископа Якутского; затем был назначен «епископом» Благовещенским и Амурским. В 1925 году назначен «архиепископом» Минским и Туровским, председателем Минского епархиального управления. В 1928 году избран «митрополитом» Минским и Белорусским, председателем Белорусского обновленческого синода. В 1935 году выразил несогласие с постановлением обновленческого священного синода Православных Церквей в СССР, упразднившим автономию Белорусской обновленческой церкви, вследствие чего «митрополит» Даниил был освобожден от должности председателя Белорусского обновленческого синода и исключен из списков обновленческих архиереев. В том же году он был арестован и приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.⁹⁹



Ввиду изложенного, с поставленными группой „Живая церковь“ епископами и пресвитерами никакого общения не считаем возможным иметь и заявляем категорический протест против вторжения в Благовещенскую епархию неизвестного епископа Даниила, именующего себя в телеграмме архиепископом и требующего себе встречи, певчих и молебна, тем более что у нас есть епископ, ни в чем и ни перед кем неопороченный»¹⁰⁰.

9 августа газета «Амурская правда» опубликовала заметку, в которой сообщалось, что епископ Евгений уволен обновленческим ВЦУ на покой. В тот же день епископ Евгений направил в Благовещенский епархиальный совет разъяснение. «Сообщить по епархии срочно», — писал он, — «что распоряжения „ВЦУ“ для меня никакого канонического значения не имеют, ибо я к „Живой церкви“ не принадлежу и „ВЦУ“, как самочинную организацию, пытающуюся захватить в свои руки церковную власть, не признаю. При этом к сведению православного населения епархии сообщаю, что Святейший Патриарх Тихон с момента его освобождения советской властью является единственным канонически законным управителем Церкви Российской, власти которого я по долгу пастырскому подчинялся и подчиняюсь и призываю к этому подчинению вверенную моему духовному водительству Благовещенскую паству и пастырей»¹⁰¹.

Приехавший в Благовещенск обновленческий архиерей полагал, что тесное сотрудничество с такой могущественной организацией, как ОГПУ, обеспечит ему не только личную безопасность, но будет способствовать и организации среди местных жителей уважения к нему. Но встретил он со стороны жителей города прием неприветливый. Обнаружив направляющуюся к собору повозку с самозванным епископом, люди вытащили из нее обновленца



*Епископ Благовещенский
Евгений*

и стали жестоко его избивать. Только вмешательство представителей власти смогло остановить избиение.

13 августа Амурский губернский отдел ГПУ постановил привлечь епископа Евгения к ответственности в качестве обвиняемого. Ему ставилось в вину его распоряжение от 9 августа о поминовении за богослужением Патриарха Тихона, по мнению ОГПУ «обвиняемого в тяжких государственных преступлениях»¹⁰². В тот же

день епископ был вызван на допрос. Затем в ночь с 29-го на 30 августа, после проведенного у него обыска, он был арестован и заключен в Дом лишения свободы.

Весть об аресте архипастыря быстро облетела город. На следующий день после литургии у Благовещенского кафедрального собора собралось множество людей, которые направились к зданию Амурского губернского отдела ГПУ, и вскоре образовалась внушительная толпа. В течение нескольких часов люди стояли на площади, требуя от властей освобождения арестованного архипастыря. Наконец, власти заявили, что арестованного в здании нет, и толпа двинулась к зданию Губернского суда, так как в вышедшей ранее газете сообщалось, что епископ был арестован по распоряжению прокурора и планируется проведение



судебного заседания. Не добившись результата и здесь, собравшиеся разошлись, вручив властям петиции с требованием об освобождении арестованного архипастыря. Верующие призвали начать сбор продуктов для узника, которых вскоре уже было собрано столько, что их хватило и на других заключенных. В воскресенье, 2 сентября, люди снова собрались около здания Губернского суда и стали требовать от прокурора освобождения епископа Евгения. Если он не будет освобожден, заявили представители верующих, то произойдут события, предотвратить которые властям вряд ли удастся. Толпа достигла в это время трех тысяч человек. После отказа освободить епископа из толпы посыпались угрозы по адресу губернского прокурора и представителей власти. Милиция приступила к арестам, но люди не расходились. Тогда была вызвана пожарная команда, которая стала разгонять людей водой из брантспойтов. В конце концов, толпа была рассеяна, а несколько десятков человек арестованы. Позже были арестованы дополнительно еще восемь священников, обвиненных в подстрекательстве к беспорядкам.

В тот же день губернский прокурор допросил епископа. Отвечая на предъявленное ему обвинение, епископ Евгений сказал: «В предъявленном мне обвинении, изложенном в постановлении Амурского губернского отдела госполитуправления, я виновным себя не признаю и объясняю.

В Благовещенске я состою архиереем с 18 сентября 1914 года непрерывно до сего времени. Я могу утверждать, что за все время своей службы я никогда никаких проповедей на политические темы не произносил.

Молитва за Патриарха Тихона установлена не мной. Патриарх — глава Православной Церкви, и по каноническим правилам, установленным на двукратном Константинопольском Соборе еще в IV веке, моление за главу



Церкви есть обязанность клира и мирян. Не исполняющие этого священнослужители извергаются за это из ло-на Церкви. Поэтому я и молился за Патриарха Тихона, как бы молился за всякое иное духовное лицо, возглавляющее Православную Церковь. Таким образом, моление за Тихона со времени его избрания Патриархом ввелось в силу канонических правил, поскольку Тихон стал во главе Церкви в качестве Патриарха, заменившего собой прежний Святейший Синод, за который раньше молились.

Заключение в тюрьму Патриарха Тихона не могло касаться духовного сана Патриарха, так как он сана не был лишен, а заключение его в тюрьму, как действие гражданской власти, по декрету не вмешивающейся в духовную жизнь, не могло касаться канонической жизни, в частности молитв. Кроме того, по чину богослужения молитва за главу Церкви обязательна, и поэтому за Патриарха молились во вверенной мне епархии до тех пор, пока я не отдал распоряжения о прекращении этих молитв после того, как я был вызван в ГО ГПУ и мне было заявлено, что, согласно разъяснению петроградского прокурора, за Тихона молиться нельзя. Должен сказать, что моление совершалось не за Василия Белавина как частного гражданина, который может быть и виновен перед гражданской светской властью, а за духовное лицо Церкви, как не имеющее касательства к светским делам. <...>

Послание митрополита Агафангела (заместителя Патриарха) я получил не непосредственно, а из Хабаровска перед Пасхой нынешнего года. <...> Я прошу обратить внимание на место в послании, где говорится, что светская власть согласилась на передачу духовной власти Патриархом своему заместителю, — это указывает, что власть, приняв против Патриарха — как гражданина — репрессивные меры, не лишала его никаких духовных прав»¹⁰³.



21 сентября старший следователь Губернского суда по результатам обыска выписал новое постановление, в котором епископ Евгений обвинялся в том, что, «имея тесную связь через Высшее Временное Церковное Управление в городе Омске с правительством Колчака, всячески направлял свою деятельность на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянского правительства Российской республики. <...>

В разное время 1922 года и 1923 года, заведомо зная, что гражданин Белавин — Патриарх Тихон является заключенным за контрреволюционные деяния, чтобы восстановить темную массу „православную“ против существующей власти и показать ей гражданина Белавина как мученика, гонимого за православие, а советскую власть выставить как гонительницу и притеснительницу православия, использовав для этой цели религиозность, темноту верующей массы, дал распоряжение по своей епархии <...> о всенародном молении за Патриарха Тихона <...>, оправдывая себя тем, что гражданин Белавин с момента освобождения из-под стражи является законным каноническим управителем Русской Церкви, несмотря на то, что таковой был низложен собором православных.

Не удовлетворяясь вышесказанным распоряжением, во время отправления обязанностей в церкви как епископа, в своих проповедях агитировал перед массой, указывая на Белавина как на мученика, томящегося в заточении, и призывал массу к более активному выражению протеста. <...> Будучи заключенным в Амурский дом лишения свободы <...>, 5 сентября 1923 года во время уборки его камеры, дабы облегчить себе тюремный режим, дал взятку один рубль крупным банковым серебром надзирателю Стратилатову Ефиму»¹⁰⁴.



Предъявив епископу Евгению текст постановления с выдвинутыми против него обвинениями, следователь приступил к допросу. Отвечая на его вопросы, епископ сказал: «По первому пункту обвинения показываю, что через Высшее Временное Церковное Управление в Омске с правительством Колчака ни в какой связи не состоял и свою деятельность как епископа на свержение советской власти не направлял. <...>

Епархиальным собранием, бывшим под моим председательством, данное предложение Высшего ВЦУ было отклонено, как не соответствующее прямым задачам пастырской деятельности духовенства. <...>

Что касается связи с ВЦУ за границей, то таковой не имел и не имею, а указ от 28 мая / 10 июня 1922 года о молитве за освобождение Патриарха Тихона перепечатан по моему распоряжению моим секретарем из одной харбинской газеты и оставлен в канцелярии для сведения. Молитва же о Тихоне мною была через Епархиальный совет разослана исключительно по церквям города Благовещенска <...>, и данным распоряжением совершенно не преследовались цели возбуждения народных масс против советской власти, а вся их цель была молитва об освобождении от уз Патриарха. Что касается распоряжения от 9 июня сего года, то оно не имеет никаких целей агитационных, а есть лишь исполнение прямой пастырской обязанности молитвы за Предстоятеля Церкви. В моих проповедях никогда не агитировал перед массами, указывая на Белавина как на мученика, томящегося в заточении, и не призывал массы к какому-либо активному выражению протеста, и за все время патриаршества Тихона не сказал о нем ни одной проповеди. <...>

Для облегчения тюремного режима я взятки надзирателю Стратилатову не давал, а, разбив свой стакан,



я просил его купить мне в тюремной лавке другой и с этой целью дал ему один рубль <...> без всякой задней мысли»¹⁰⁵.

21 сентября на допрос был вызван обновленческий архиепископ Даниил (Громовенко), который дал согласованные со следователем ОГПУ показания против священнослужителей и мирян города Благовещенска, арестованных по обвинению в участии в беспорядках.

23 сентября он направил в Амурский губернский отдел ГПУ заявление с дополнительными сведениями, мало отличающееся от тех бумаг, которые составлялись сотрудниками ОГПУ. «Обновленческое движение, зародившееся в центре России», — писал он, — «определенно выявило свою физиономию; от пропитанных насквозь контрреволюцией прежних духовных вождей и церковников не только отмежевалось, но и осудило их антисоветскую политику всем своим церковным авторитетом. Всякие надежды и помыслы о перевороте и замене советской власти нужной им монархической властью пресекает в корне. Признавая советскую власть единственной в мире способной объединить трудящихся, признавая справедливость социальной революции, обновленческая группа Живая церковь объявила советскую власть мировым вождем трудового народа. Тихоновцы, вполне солидарные со своим духовным вождем, редкостным экземпляром контрреволюционера, никак не желают расстаться со своими чаяниями низвержения существующего строя. Под флагом Церкви по старому порядку и методу они тайно закрепляют в населении свои принципы. Для достижения своих контрреволюционных вожделий, для внедрения в сознание населения необходимости переворота, они не брезгают никакими средствами. Принятие программы церковного обновления грозит тихоновцам безвозвратным, неминуемо верным крахом всех их стремлений,



направленных против интересов трудового народа и вождей советской власти. Чтобы не потерять орудия затаенной борьбы с советской властью, не попасть под строгий контроль обновленческого управления, которое в корне пресекает всякую контрреволюцию, ведет беспощадную борьбу с врагами закрепления существующего государственного строя, тихоновцы ведут агитацию против Новой церкви и, извратив лояльность, честность и сочувственное отношение Живой церкви к компартии в девизах: свобода, равенство, братство, мир народов и проистекающие из них положения — уничтожение эксплуатации, неравенства, а с ними равномерное распределение труда и равномерное пользование земными благами, в стремлении уничтожить христианскую веру, вооружили против Священного Синода, подсобных ему органов управления, его представителей, в том числе и против меня. <...> Противодействуя Новой церкви, означенные лица идут не против церковных установлений и порядков, а против принципов государственного строя, прикрывая эту борьбу религиозными разногласиями.

Принимая во внимание соприкосновение Амурской губернии с Манчжурией, через которую заграничная эмиграция ведет сношение с нашими контрреволюционерами, считаю необходимым для пользы СССР поименованных лиц срочно выслать из пределов Амурской губернии, отдалить их от границы и лишить возможности воздействовать на массы, которые они под разными благовидными предложениями будируют против советской власти»¹⁰⁶.

В своем заявлении «архиепископ» Даниил перечислил имена всех тех, кого, по его мнению, следует выслать. Не удовлетворившись этим, он в тот же день отправил еще одно заявление, добавив в него имя еще одного благовещенского священника, написав о нем, что тот «ведет



против власти ожесточенную агитацию и возбуждает массы против церковно-обновленческого движения. Чтобы прикрыть свои выступления против власти перед карающим законом, он свою ненависть к власти маскирует ненавистью к Живой церкви, но при этом неумело выдает себя и в проповедях представителей Живой церкви называет переодетыми агентами власти»¹⁰⁷.

6 октября 1923 года Секретное отделение секретно-оперативной части Амурского губернского отдела ГПУ дало заключение относительно обвинений, выдвинутых против епископа Евгения и арестованных вместе с ним священников: «Прошлая их контрреволюционная деятельность не может быть полностью восстановлена за давностью времени, отсутствием надлежащих свидетелей, наличием только отдельных отрывочных документов и сведений, почему обвинение их в этих преступлениях носило бы крайне неполный и неяркий характер. Обвинение <...> основано на свидетельских показаниях и агентурных сведениях об агитации вышеназванных священников во время беспорядков, последовавших за арестом архиерея, и на содержании их проповедей, направленных против существующей власти. Между тем восстановить эти проповеди, речи и разговоры не представляется возможным, а отдельно взятые фразы, ввиду искусного произнесения речей, сами по себе не заключают в себе состава уголовно наказуемого деяния, а при наличии большого числа фанатичных поклонников, могущих выступить в опровержение имеющихся свидетельских показаний, является затруднительным для суда надлежащим образом разобраться в деле.

Суждение архиерея и священников в Благовещенске, где имеется большое количество их фанатических поклонников, при недостаточной убедительности имеющегося против них материала, угрожает сохранению революционного



порядка в городе и грозит эксцессами во время судебного заседания.

Между тем, прекращение дела по обвинению названных лиц в вышеуказанных преступлениях является совершенно недопустимым как ввиду очевидности совершенных ими преступлений и необходимости воздействия за таковые, так и для охранения авторитета власти и революционного порядка в городе и губернии, так как по всей предшествующей деятельности указанных лиц можно с вероятностью ожидать, что после освобождения, оставаясь в Благовещенске, они снова станут агитировать против существующей власти, а свое освобождение используют как доказательство слабости власти»¹⁰⁸. Амурский отдел ГПУ предложил признать всех арестованных социально опасными и выслать их в распоряжение ГПУ Дальневосточной области. Епископ Евгений и все арестованные вместе с ним священники были переведены в тюрьму в город Читу.

11 ноября уполномоченный Дальневосточного отдела ГПУ предложил выслать всех арестованных из Сибири, заключив в концлагерь на срок не ниже трех лет. Дело было отправлено вместе с арестованными на рассмотрение ОГПУ в Москву. По прибытии в Москву епископ Евгений был изпод стражи освобожден. Перед освобождением его предупредили, что его освобождение имеет временный характер и освободят его окончательно лишь в том случае, если он не будет встречаться с Патриархом Тихоном. Однако епископ Евгений, оказавшись на свободе, сразу же направился к Патриарху. 30 ноября 1923 года епископ Евгений был возведен Патриархом Тихоном в сан архиепископа.

13 декабря 1923 года сотрудница 6 отделения секретного отдела ОГПУ Якимова предложила заключить архиепископа Евгения на два года в Соловецкий концлагерь,



а двум арестованным вместе с ним священникам запретить на два года проживание в Приморской губернии. 22 февраля 1924 года Комиссия НКВД по административным высылкам по докладу начальника 6 отделения секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова приговорила архиепископа Евгения к трем годам заключения в концлагере, а священников к ссылке в Зырянский край на два года.

31 мая архиепископ Евгений был включен в состав Священного Синода при Патриархе Тихоне¹⁰⁹, но фактически это назначение осуществиться уже не могло, так как архиепископ был отправлен в Соловецкий концлагерь.



*Соловецкий концлагерь.
В центре сидит архиепископ Евгений (Зернов),
слева от него архиепископ Иларион (Троицкий),
справа — архиепископ Прокопий (Титов)*



В заключении он оставался верен монашеским обетам и не вкушал в постные дни пищи, не положенной по уставу, хотя в условиях лагеря это было соблюсти нелегко. Среди добровольно оставшихся на Соловках иноков его авторитет был безусловен. Однажды тяжело заболел монах, и начальство лагеря предложило ему, как не способному к дальнейшей работе, выехать на материк, но там у него не было никакого пристанища. Монах обратился за советом к архиепископу Евгению. Выяснив в разговоре с ним обстоятельства его жизни, архиепископ сказал, что ему было бы лучше умереть в монастыре. «Благословите и помолитесь», — ответил монах. «Бог тебя благословит», — сказал архиепископ. Через несколько дней монах мирно скончался¹¹⁰. Находясь в концлагере, архиепископ Евгений стал одним из редакторов «Памятной записки соловецких епископов», в которой давалась оценка взаимоотношениям Православной Церкви и государства в новых политических условиях.

По окончании срока заключения, 3 декабря 1926 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Евгения к трем годам ссылки в Зырянский край, и 28 февраля 1927 года он был отправлен с этапом в город Усть-Сысольск. В ссылке его застали события, связанные с «декларацией» Заместителя Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), — учреждение при митрополите Священного Синода, входящие в практику частые перемещения архиереев, что многие авторитетные иерархи считали неканоничным и с чем выражали свое несогласие, справедливо усматривая в этом доказательства прямого влияния на церковную жизнь органов госбезопасности и участие церковной власти в покрытии этого влияния. Провоцируемые советской властью события совершались столь стремительно, что



не хватало ни времени, ни полноты сведений для их правильной оценки и осознания, так что во время этой церковной смуты людям не раз приходилось корректировать свою точку зрения. Неизвестен в полноте взгляд на происходившее архиепископа Евгения, кроме отображенного в его письме от 5 декабря 1927 года, то есть еще в самом начале новой волны церковных смут; из письма по распоряжению Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия был взят фрагмент, имевший пропагандистский характер, рассылавшийся затем в распечатке всем архиереям. Для митрополита Сергия было важно показать, что его действия поддерживает авторитетная часть епископата. «Я же непрестанно молюсь, чтобы Господь хранил Вас в единомыслии и в неизменном союзе любви и веры Христовой», — говорилось в этом фрагменте частного письма. — «Великий грех производить в Церкви разделение, и те, кто берет на себя право отделяться от митрополита Сергия — законного заместителя митрополита Петра, приносят большой вред и собственному спасению, и Церкви Православной. Нет никаких канонических оснований к неподчинению митрополиту Сергию, действия которого не касаются православного вероучения и не нарушают благодатности таинств»¹¹¹.

14 октября 1929 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ лишило архиепископа Евгения права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, одноименных областях, а также в Дальневосточном крае с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. После освобождения он поселился в городе Котельниче Вятской епархии.

13 августа 1930 года архиепископ Евгений был назначен на Белгородскую кафедру, но приступить к своим обязанностям, находясь в полуссылке, не смог. 6 февраля



1931 года он был назначен, в соответствии со своим местожительством, архиепископом Котельническим, управляющим Вятской епархией¹¹². 2 апреля ему было дано право ношения креста на клобуке¹¹³.

21 октября 1932 года архиепископ Евгений был вызван митрополитом Сергием в Москву для участия в работе зимней сессии Священного Синода¹¹⁴. Вскоре он был назначен архиепископом Вятским и Слободским.



«НАДО БОГА БОЯТЬСЯ»

В 1934 году архиепископ Евгений был назначен на Горьковскую кафедру и возведен в сан митрополита. Приехав в город, он поселился у верующей женщины, которая отдала в пользование ему и его келейнику, монаху Филиппу, часть дома. Митрополит Евгений служил в Спасской церкви и других храмах города и его окрестностей, проповедуя за каждым богослужением, и власти вскоре отметили, что число молящихся в храмах стало заметно увеличиваться. Служил он торжественно и благоговейно, и это не было заученной, чисто внешней манерой служения, но отражением его духовного настроения, не менявшегося, несмотря на очевидные признаки нравственного развала в стране и пугающей перспективы наступления еще более худшей действительности. Высокообразованный и рассудительный, он был компетентен во многих церковных и богословских вопросах; житейски мудрый, он в самых сложных обстоятельствах всегда оставался тактичен и мирен.

После приезда в город Горький митрополит Евгений, как и следовало ожидать, сразу попал под наблюдение НКВД, который стал собирать материалы для заведения на него агентурного дела, наполняя его сводками из донесений секретных осведомителей. В качестве осведомителей выступали священники, диаконы и прихожане, слышавшие проповеди митрополита и передававшие их содержание нередко в искаженном виде. Некоторые из них были



*Митрополит Нижегородский
Евгений*

мысль поддерживали и священники <...>. Они тоже выразили сожаление, что современная безбожная школа развращает детей, и они держат себя очень плохо. Необходимо родителям старательнее воспитывать детей в вере и благочестии»¹¹⁵.

Пасхальные дни в 1935 году совпали с советским государственным праздником 1 мая, во время которого по улицам города должна была пройти демонстрация. Митрополит Евгений в этот день служил в Крестовоздвиженском храме, где присутствовало несколько сотен молящихся. Богослужение закончилось в половине десятого утра, а в 10 часов должно было начаться гражданское шествие, в котором вместо хоругвей горожане несли знамена, а вместо икон — портреты вождей.

впоследствии привлечены свидетелями, подтвердив то, о чем они доносили ранее. Диакон храма в селе Высоково после воскресной службы 9 декабря 1934 года был приглашен вместе с другими священнослужителями на трапезу. Впоследствии он написал в НКВД, что митрополит жаловался, что «молодежь дурно себя держит, мало посещает храм: очевидно, современная школа пагубно влияет на детей, отвлекает их от храма. Эту



Митрополит собирался уже ехать домой, когда его стали уговаривать, чтобы он подождал, пока окончится демонстрация. «Что нам бояться», — сказал на это митрополит, — «надо Бога бояться». И он надел белый клобук, сел в пролетку и поехал по улицам города, где в это время шла подготовка к первомайскому шествию. Некоторые из организаторов демонстрации, видя едущего мимо них митрополита, дивились. «Пропустите, пропустите его», — сказал один из них, и в голосе его прозвучала угроза. — «Мы его наградим!»



*Нижний Новгород.
Спасская церковь*

«Награда» пришла через день — 3 мая 1935 года митрополит Евгений был арестован. Еще через день, 5 мая, следователь допросил его.

— Признаете ли себя виновным в том, что вы использовали в контрреволюционных целях церковный амвон и произносили в церквях города Горького и районах края проповеди антисоветского содержания? — спросил его следователь.

— Виновным себя в том, что мною был использован церковный амвон в контрреволюционных целях для произнесения проповедей антисоветского содержания — не признаю <...>, все мною произнесенные проповеди



были исключительно религиозно-нравственного содержания¹¹⁶, — ответил митрополит.

Материалов для открытия дела против недавно прибывшего в город и мало здесь прослужившего митрополита было недостаточно, и сотрудники НКВД начали создавать групповое дело духовенства во главе с митрополитом Евгением. В конце мая был арестован ряд священников, и осведомители в необходимом для оформления дела количестве были привлечены как свидетели.

Допрошенный в качестве свидетеля священник, бывший когда-то преподавателем Нижегородской духовной семинарии, показал, что митрополит намеренно затянул богослужение в день 1 мая, а что касается проповедей, то он слышал только один раз проповедь митрополита об исцелении слуги сотника, которую тот заключил словами: «Возлюбленные, если будут у вас скорби, болезни, и разные испытания, и недуги, обращайтесь с молитвой к Христу Спасителю, и с такой же верой, какую проявил капернаумский сотник, — молитва ваша будет услышана и Господь вас спасет»¹¹⁷.



Город Горький. Первомайская демонстрация



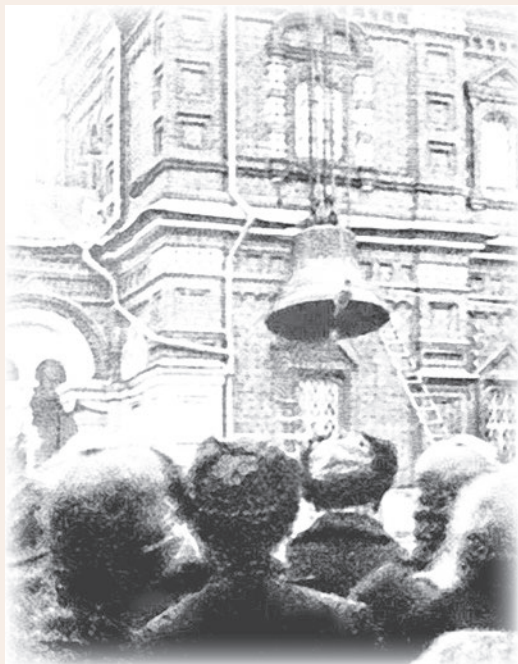
Вызванный свидетелем некий преклонных лет протоиерей показал, что митрополит Евгений препятствовал участию прихожан в первомайской демонстрации, намеренно начав богослужение позже. Давая показания о проповедях митрополита Евгения, он подтвердил, что митрополит проповедует постоянно и в одной из проповедей о вере в Бога сделал такое заключение: «Не верьте современной науке в том, что Бога не существует, это есть лжеучение. Бог есть, равно тому, что существует солнце, — без Бога равносильно, что без солнца»¹¹⁸.

Вызванный на допрос свидетелем диакон, написавший положившее начало делу заявление, показал: «22 февраля 1935 года митрополит Евгений в проповеди, произнесенной в Крестовоздвиженской церкви, говорил: „Христианская история хранит нам сказания о мучениках и исповедниках христианской веры. Будем просить Бога, чтобы Он помог и нам пережить настоящее тяжелое время...“

28 августа 1934 года в праздник Успения Божией Матери во Владимирской церкви... митрополит сказал: „Нынешние неверующие мудрецы отвергают загробную жизнь, этим самым развращают современных людей. Не верьте им и не слушайте их“. <...>

29 августа 1934 года в Спасской церкви... митрополит говорил: „Совершая сегодня праздник иконы Спасителя, будем помнить, что она чудесно дарована нам Христом; она почиталась — и мы будем почитать ее, нисколько не смущаясь речами современных безбожников и лжеучителей, явившихся на свет Божий как плод заблуждения, отчего и сами погибают от своего неверия, и других влекут к гибели“. <...>

21 октября 1934 года в Успенской церкви митрополит... говорил верующим „Тяжко согрешают те, кто не ходит сюда молиться и навлекает на себя гнев Божий,



Город Горький. Спасская церковь, снятие колоколов

проявляющийся над нами в разных тяготах настоящей жизни»¹¹⁹. Говоря о совершенном митрополитом Евгением в Печерской церкви богослужении, диакон заявил, что митрополит произнес проповедь антисоветского содержания, из которой он запомнил слова: «Каких бы успехов ни достиг человек в культурном отношении, но, если сердце его не оживлено верой в Бога, он будет чувствовать неудовлетворенность, пустоту, духовную бедность. Итак, веруйте в Бога, а безбожников вразумляйте и обличайте»¹²⁰.

Затем был вызван псаломщик, который, отвечая на вопросы следователя о деятельности митрополита Евгения в Горьком, показал: «Митрополит Евгений Зернов... пользовался большим авторитетом, с его приездом... значительно увеличилась посещаемость церквей не только за счет пожилых людей, но и за счет молодежи. Этот авторитет Зернов приобрел себе в результате систематического произнесения проповедей двусмысленного, а иногда и явно антисоветского содержания в церквях города и торжественной обстановкой при богослужениях. 6 декабря 1934 года я слышал проповедь в Похвалинской церкви, которая содержала в себе явно антисоветский характер и открытый



призыв к отказу верующих от участия в социалистическом строительстве. В этой проповеди Зернов говорил: „Кто из нас, возлюбленные, не отягчен или не обременен? Мы хотим добиться счастья своей силой, своими средствами, без Божьей помощи, поэтому нам и тяжело. Оставить нужно всю суету мирскую <...>, посвятить себя целиком Богу, как Александр Невский (богослужение было в его память). Тогда земля русская была под игом татарского хана, русский народ не мог сам свергнуть это тяжелое бремя для Руси, и князь Александр, не желая проливать кровь ближних, скрепя сердце пошел на поклонение к хану“ и т. п. Этими словами Зернов старался доказать верующим, что в настоящее время такое же тяжелое бремя над Россией в лице советской власти и что верующие, именно скрепя сердце, должны ей подчиняться»¹²¹.

После завершения допросов свидетелей следователь снова допросил митрополита Евгения.

— Следствию известно, что 6 декабря 1934 года в Похвалинской церкви города Горького вы произнесли с амвона проповедь антисоветского содержания. <...> Вы пытались доказать верующим, что настоящее время такое же тяжелое время для народа и что верующие, именно скрепя сердце, должны подчиняться советской власти. Подтверждаете ли вы это? — спросил его следователь.

— Произнесение мной проповеди... не отрицаю. Но отрицаю ее антисоветское содержание, изложенное в предъявленном мне вопросе. Мое обращение к верующим носило религиозно-нравственный характер, — ответил митрополит.

— Часто ли вы произносили проповеди в церквях города Горького и прилегающих к нему районах?

— Проповеди я произносил сравнительно часто,.. но все они носили религиозно-нравственный характер.



— Следствию известно, что 9 декабря 1934 года вы, будучи вместе со своими сослуживцами... в церкви села Печеры, произнесли проповедь антисоветского содержания, в которой говорили: «каких бы успехов ни достиг человек в культурном отношении, но, если сердце его не оживлено верой в Бога, он будет чувствовать неудовлетворенность, пустоту, духовную бедность. Итак, веруйте в Бога, а безбожников вразумляйте и обличайте». По окончании богослужения всему духовенству было устроено угощение... Во время угощения в беседе, в связи с вашим замечанием: «молодежь мало посещает церковь: очевидно, школа пагубно влияет на нее», служители религиозного культа... высказывались о том, что необходимо чаще устраивать торжественные богослужения и этим путем добиться привлечения молодежи в церковь, что они ведут в этом направлении работу среди населения, доказывая населению, что советская школа приносит вред обществу и развращает молодежь. Подтверждаете ли вы это?

— Я действительно совершал богослужение в Печерской церкви,.. говорил проповедь,.. но в изложении предъявленного мне обвинения... я не говорил. Мое убеждение по этому вопросу таково, что исключительно одна внешняя культура не может удовлетворить духовных потребностей человека-христианина и у него останется потребность в Боге. После богослужения... было устроено угощение,.. но разговоры как со своей стороны, так и со стороны других... в отношении вредного влияния советской школы на молодежь отрицаю, таких разговоров в моем присутствии не было.

— Скажите, признаете ли вы себя виновным в том, что поговору со служителями религиозного культа,.. вы 1 мая в Крестовоздвиженской церкви организовали служение торжественной литургии и сознательно, с целью



отвлечения граждан от участия в первомайской демонстрации, затянули это богослужение до 14 часов?

— Виновным себя в отвлечении граждан от участия в первомайской демонстрации не признаю... Литургию 1 мая я... в Крестовоздвиженской церкви служил,.. и служба началась в 8 часов, окончилась в 10-м часу, то есть до начала демонстрации¹²².

Затем были устроены очные ставки митрополита Евгения со свидетелями. После обычного в этом случае опознания друг другом свидетеля и обвиняемого, следователь задал вопрос выступавшему в качестве свидетеля диакону, который подтвердил данные им ранее показания.

— Подтверждаете ли вы показания свидетеля? — спросил следователь митрополита.

— Показания свидетеля... отрицаю. Проповедь я произносил, но в ней изложенное содержание... не высказывал. Угощение после службы также было,.. но разговора о привлечении молодежи к церкви и вредном влиянии на нее советской школы не было как с моей стороны, так и со стороны присутствовавших... Диакона,.. сидящего передо мной, я припоминаю, он на угощении присутствовал¹²³.

Затем был вызван псаломщик, который подтвердил все данные им во время следствия показания.

— Подтверждаете ли вы показания?.. — спросил следователь митрополита.

— Показания... отрицаю. В той форме, как свидетель... излагает мою проповедь, в тенденциозной форме, я не говорил, и свидетель делает свой вывод из мною сказанного, опуская то, что было сказано в заключение проповеди, имеющее в виду не переживания, о которых говорит свидетель, а исключительно нравственные переживания христианские¹²⁴.

После завершения допросов следователь составил обвинительное заключение, в котором митрополит Евгений



и священники обвинялись в том, что они под предлогом укрепления в народе религиозности вели активную контрреволюционную деятельность, произнося с церковного амвона проповеди антисоветского содержания. «Обвиняемый Зернов виновным себя не признал, но показаниями обвиняемых, свидетелей и очными ставками в преступлении уличен полностью»¹²⁵, — гласило обвинительное заключение.

5 августа 1935 года материалы следственного дела на митрополита Евгения и пятерых священников были направлены на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. 4 ноября Особое совещание приговорило митрополита Евгения к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Он был отправлен в 7 Бидайкское отделение Карагандинского лагеря и поставлен работать сначала на общих работах, а затем учетчиком и статистиком в канцелярии. В лагере его настигли начатые в 1937 году по распоряжению И. В. Сталина массовые репрессии, захватившие и тех, кто был на свободе, и тех, кто находился в тюрьме, — кто был исповедником и кто к этому времени уже стал предателем.

Митрополит Евгений был арестован 7 сентября 1937 года и против него и находившихся в том же концлагере священнослужителей — игуменов Евгения (Выжвы) и Николая (Ащепьева), иеромонаха Пахомия (Ионова) и священника Стефана (Крейдича) — было начато новое дело. 16 сентября следователь допросил митрополита Евгения. На вопрос следователя, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении, митрополит ответил, что виновным себя не признает, так как агитацией он не занимался и не группировал вокруг себя указанных лиц.

— Сколько времени вы знаете заключенного Ионова и какие отношения с ним у вас? — спросил митрополита следователь.



— ИONOBA я знаю со второй половины февраля 1936 года, когда я с ним начал совместно работать по плетению матов на огороде 8-го участка. Работа с парников в конце мая 1936 года была перенесена на дальний стан, куда были переведены я и ИONOBA; работали по полеводству до начала октября, вместе с ИONOBAым я жил в общежитии. С ИONOBAым, когда он был переведен в учетно-хозяйственную часть, я неоднократно встречался, — ответил митрополит.

— Из получаемых вами посылок давали ли вы что-либо ИONOBAу?

— Как помощь я ему не давал, но предлагал ему то, чем пользовался из этих посылок сам, как и он весьма нередко предлагал мне из присылаемого ему.

— Скажите, сколько вы подписали писем и открыток и за какой период времени: «Митрополит Евгений» — инициалами «М. Е.»?

— Подписал я посылаемые мной знакомым вне лагеря не более трех открыток и, кроме этого, родным несколько писем посылая с инициалами «М. Е.».

— После моего запрещения в июне 1936 года вы подписывались «Митрополит Евгений»?

— Нет, после запрещения больше не подписывался.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что вы подписями на письмах «Митрополит Евгений» не только нарушали лагерный порядок, но даже пытались повлиять на верующих ваших знакомых, находящихся на воле, что вы, как бывший митрополит, располагаете правом и в лагере на духовное звание?

— Подписывая на открытках инициалы «М. Е.», не считаю себя виновным в нарушении лагерного порядка, который старался всемерно соблюдать, и нигде в письмах, указывая свой адрес, от кого они, не писал инициалы «М. Е.», а означал свою фамилию, имя и отчество. Повлиять подписью под открыткой инициалами «М. Е.»



на тех, кому писал, никогда не думал, и вопрос о подписи был для меня не имеющим какого-либо значения...

— Говорил ли заключенный епископ Я. А. Хомик, чтобы переменить ориентацию, вместо Высшего Церковного Совета перейти в тихоновскую ориентацию?

— Бывший епископ григорианской ориентации Хомик говорил мне, что он очень обеспокоен и опечален своей будущей участью бесприютного человека по выходе из лагеря, ввиду своего отделения от митрополита Сергия, в то время как священник сан носит более сорока лет. Я ему указал, что он может обратиться к митрополиту Сергию, изложить причины своего отделения и надеяться, что едва ли будут препятствия со стороны митрополита Сергия к его обратному приему в церковное общение.

— Скажите, служили ли вы молебны вместе с заключенными Ащепьевым и Ионовым?

— Никогда никаких молебнов не служил.

— Известно ли вам, что Ионов вел антисоветскую агитацию?

— Неизвестно.

— Хорошо ли вы знали Выжву, часто ли встречались с ним?

— Выжву я знаю мало, после удаления его из дальнего стана, приблизительно в сентябре 1936 года, я встречался с ним редко и случайно.

— Встречались ли вы с игуменом Ащепьевым, сколько времени его знаете?

— Ащепьева я знаю с апреля 1936 года, встречал его очень редко.

— Знаете ли вы заключенного Крейдича?

— Крейдича, как прибывшего на огород, встречал и знаю как сторожа огорода.

— Давали ли вы ему молитву контрреволюционного содержания?



— Никогда и никакой молитвы не давал.

— Предупреждали ли вы Ионова и Выжву о том, чтобы держали все ваши разговоры в секрете?

— Нет. И не было секретов у меня с ними.

— Что еще можете добавить? — спросил следователь, завершая допрос.

— Больше ничего, — ответил митрополит Евгений.

18 сентября было составлено обвинительное заключение, в котором говорилось, что митрополит Евгений и привлеченные вместе с ним к ответственности священники, осужденные ранее за контрреволюционную деятельность, не только не изменили своих убеждений, но, и находясь в заключении, продолжили свою антисоветскую деятельность, проводя среди заключенных лагеря контрреволюционную агитацию и распространяя провокационные измышления, направленные на дискредитацию политики советской власти и коммунистической партии, устраивая тайные молитвенные собрания в присутствии других заключенных. О Конституции митрополит Евгений говорил, что она не более как пустой звук и очередной обман народных масс. Он говорил: «Советская власть хотела задушить религию, но ничего не вышло, требования народа, чувствующего в душе Бога, заставили власть отступить от нажима на религию»¹²⁶. О тайном голосовании и выборах в Верховный Совет СССР митрополит Евгений будто бы говорил, что «все съезды с этим тайным голосованием являются только блестящим маскарадом кукольных марионеток»¹²⁷.

20 сентября 1937 года тройка УНКВД по Карагандинской области приговорила митрополита Евгения и арестованных вместе с ним священников к расстрелу; все они были расстреляны и погребены в общей безвестной могиле¹²⁸.



ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1403. Л. 1–6.
- ² Там же. Л. 9–13.
- ³ Там же. Л. 18.
- ⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 330. Л. 2 об.
- ⁵ Там же. Д. 504. Л. 3.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 4.
- ⁷ Там же. Л. 6.
- ⁸ *Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник: 1902–1903.* Т. 2. М., 2013. С. 29.
- ⁹ *Его же. Дневник: 1903–1905.* Т. 3. М., 2015. С. 83.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 7–8.
- ¹¹ Там же. Л. 9.
- ¹² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1904 г. Д. 45. Л. 12.
- ¹³ Там же. 1911 г. Д. 330. Л. 3.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 14.
- ¹⁵ Там же. Л. 102 об.
- ¹⁶ Прибавления к Черниговским епархиальным известиям. 1904. № 22. С. 778–779.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 16–17.
- ¹⁸ Там же. Л. 19–20.
- ¹⁹ Там же. Л. 21.
- ²⁰ Там же. Л. 22–23.
- ²¹ Там же. Л. 24 об.–25.
- ²² Там же. Л. 26.
- ²³ Там же.
- ²⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1905 г. Д. 52. Л. 20 об.–22 об.



- ²⁵ Там же. Л. 32 об.
- ²⁶ Там же. Л. 12.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 28–29.
- ²⁸ Там же. Л. 30 об.–31.
- ²⁹ Там же. Л. 32–33.
- ³⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1911 г. Д. 330. Л. 5.
- ³¹ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1913. № 4. С. 90.
- ³² Там же. 1909. № 23. С. 537.
- ³³ Там же. 1907. № 2. С. 33.
- ³⁴ Там же. С. 34–35.
- ³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 934. Л. 24.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 47–48.
- ³⁷ Там же. Л. 44.
- ³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 934. Л. 24.
- ³⁹ Там же. Ф. 802. Оп. 16. Д. 504. Л. 5 об.
- ⁴⁰ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1913. № 4. С. 92.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 934. Л. 24–25.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 65.
- ⁴³ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 263. Л. 2.
- ⁴⁴ Там же. Л. 4.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 796. Оп. 439. Д. 934. Л. 25.
- ⁴⁶ Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. Т. IV. СПб., 1995. С. 496–498.
- ⁴⁷ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 4. С. 69.
- ⁴⁸ Там же. С. 71–72.
- ⁴⁹ Там же. С. 72–73.
- ⁵⁰ Там же. № 6. С. 171–173.
- ⁵¹ Там же. № 9. С. 244.
- ⁵² Там же. С. 249–250.
- ⁵³ Там же. 1909. № 22. С. 529.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 67 об.



- ⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 934. Л. 25–26.
- ⁵⁶ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1911. № 5. С. 96–97.
- ⁵⁷ Там же. № 19. С. 465–466.
- ⁵⁸ Там же. № 20. С. 486–487.
- ⁵⁹ *Польский Михаил, протопресвитер*. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1949. Т. 1. С. 107.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 77–79 а, 81.
- ⁶¹ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 18. С. 506–507.
- ⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 83. Д. 17. Л. 1, 4.
- ⁶³ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1913. № 5. С. 134.
- ⁶⁴ Там же. С. 134–135.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 82.
- ⁶⁶ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1913. № 21. С. 661–663.
- ⁶⁷ Там же. № 22. С. 688–693.
- ⁶⁸ Там же. 1914. № 2. С. 53–54.
- ⁶⁹ Там же. С. 54–56.
- ⁷⁰ Там же. 1913. № 22. С. 626.
- ⁷¹ Там же. № 10. С. 363.
- ⁷² Там же. № 4. С. 121–122.
- ⁷³ Там же. № 13–14. С. 444–447.
- ⁷⁴ Там же. 1914. № 6. С. 217–220.
- ⁷⁵ Там же. С. 220–221.
- ⁷⁶ Там же. № 11. С. 366–367.
- ⁷⁷ Там же. № 15. С. 488–490.
- ⁷⁸ Там же. № 17. С. 580–584.
- ⁷⁹ Там же. № 18. С. 621–622.
- ⁸⁰ Там же. № 20. С. 688–690.
- ⁸¹ Там же. № 23. С. 789–790.
- ⁸² ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. Жуковский, М., 2004. С. 112.



- ⁸³ Там же. С. 113.
- ⁸⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-21618. Л. 4.
- ⁸⁵ Там же. Л. 10.
- ⁸⁶ Там же. Л. 12.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 83–87.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 84. Д. 119. Л. 1.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 293. Л. 93.
- ⁹⁰ Там же. Л. 96.
- ⁹¹ Там же. Л. 98–100.
- ⁹² УФСБ России по Амурской обл. Д. П-65713. Л. 47–52.
- ⁹³ Там же. Л. 54.
- ⁹⁴ Там же. Л. 53.
- ⁹⁵ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 220.
- ⁹⁶ УФСБ России по Амурской обл. Д. П-65713. Л. 13.
- ⁹⁷ Там же. Л. 10.
- ⁹⁸ Там же. Л. 174.
- ⁹⁹ *Лавринов Валерий, протоиерей. Обновленческий раскол в портретах его деятелей.* М., 2016. С. 220–221.
- ¹⁰⁰ УФСБ России по Амурской обл. Д. П-65713. Л. 171 об.–172.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 12.
- ¹⁰² Там же. Л. 15.
- ¹⁰³ Там же. Л. 31–32.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 94.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 100, 102.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 121.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 122.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 231 об.–232.
- ¹⁰⁹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 318–319.



- ¹¹⁰ *Польский Михаил, протопресвитер*. Новые мученики Российские. Т. 1. Джорданвилль, 1949. С. 167.
- ¹¹¹ УФСБ России по Хабаровскому краю. Д. XV-2691. Т. 4. Л. 185.
- ¹¹² ГАКО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 1. Л. 165.
- ¹¹³ Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М., 2001. С. 67.
- ¹¹⁴ Там же. С. 123.
- ¹¹⁵ ГАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 6829. Л. 2.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 6 об.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 49.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 57 об.–58.
- ¹¹⁹ ГАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 6829. Л. 65–66.
- ¹²⁰ Там же. Л. 60.
- ¹²¹ Там же. Л. 55.
- ¹²² Там же. Л. 8–9.
- ¹²³ Там же. Л. 85–86.
- ¹²⁴ Там же. Л. 87.
- ¹²⁵ Там же. Л. 105–104.
- ¹²⁶ Центр Правовой статистики и информации при прокуратуре Карагандинской области. Ф. 1. Д. 2094.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Там же.



СОДЕРЖАНИЕ

<i>Монахиня Евфимия (Аксаментова).</i>	
«Человек — это его совесть»	5
Подписаться — не позволяет совесть	11
Бунт семинаристов	24
«Надо всегда помнить о смерти и готовиться к ней» . . .	39
Заброшенные люди	70
«Во главе власти стали каторжане»	112
«Надо Бога бояться»	141
<i>Примечания</i>	154

Духовно-просветительское издание

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Человек — это его совесть
Житие священномученика
Евгения (Зернова),
митрополита Нижегородского
и Арзамасского

Редактор *Н. В. Злых*

Корректоры: *Е. Г. Криницына, Н. В. Злых*
Художественный редактор *Е. Ю. Тихонова*

Подписано в печать 07.08.2018.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная.
Шрифт «Minion». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,3.
Тираж 1000 экз. Заказ 0000

Издание Регионального общественного фонда
«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви».
127253, Москва, Дмитровское ш., д. 116, корп. 2.
info.fond.ru
www.fond.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97
www.arvato.ru